

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ Россіи.

На годъ	8 р.
» 9 мѣсяцевъ	6 »
» 6 »	5 »
» 3 »	3 »

за Границею

На годъ	10 »
-------------------	------

Съ приложеніями:

Въ Россіи на годъ	10 »
-----------------------------	------

» на полгода	6 »
------------------------	-----

За границей на годъ	14 »
-------------------------------	------

Приложенія одинъ въ годъ—5 р.	
-------------------------------	--

Отдѣльн. нумера газеты по 20 к.	
---------------------------------	--

Объявленія печатаются по 15 к.	
--------------------------------	--

за строку на послѣдней страницѣ	
---------------------------------	--

и по 30 коп. на первой.	
-------------------------	--

За перемѣну адреса: иногород.	
-------------------------------	--

на годъ, 20 к., город. на иногород.	50 к.
-------------------------------------	-------

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

Статьи и требованія адресуются въ ред.
СПБ. Кавалергардская ул., д. 20, кв. 3.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—СПБ.
Кавалергардская ул., д. 20, кв. 3, а
также въ книг. маг., Волы-
фа, Нев., Гостин. дв. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь».
Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
газинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ. 26-го октября 1887 года. — Хроника. — Корреспонденціи: изъ Томска, Ташкента и Киренска. — Итоги выставки въ Екате-
ринбургѣ. Д. М. — Областной обзоръ. — Судебный процессъ. — Чертоломовскія горы. М. Постьлова. — Хроника жизни за недѣлю. —
Объявленіе.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ НА 1888 Г.

СПУТНИКЪ ПО СИБИРИ.

Изданіе типографіи газеты «Сибирь» въ Иркутскѣ.

Цѣна 50 коп.

Въ Петербургѣ можно получать въ конторѣ
«Восточнаго Обозрѣнія».

26-го ОКТЯБРЯ 1887 ГОДА.

Въ нынѣшнемъ году Общество содѣйствія учащимся си-
бирякамъ въ С.-Петербургѣ должно было, вопреки обычаю,
устроить общее собраніе и чтеніе отчета 25-го октября, въ
воскресенье, вмѣсто 26-го. Это произошло потому, что вос-
кресенье для многихъ членовъ представляетъ свободный день,
а потому собраніе могло состояться въ большемъ составѣ.

Общее собраніе 25-го октября, по обыкновенію, сопровож-
далось чтеніемъ отчета и выборами. Составъ комитета дол-
женъ былъ измѣниться. Предсѣдательствующій, В. О. Коно-
новичъ, по случаю отъѣзда долженъ былъ передать эту долж-
ность другому. Какъ ни велика потеря для Общества этого
почтеннаго представителя его интересовъ, все время горячо
относившагося къ нуждамъ учащихся, но пришлось ранѣе
времени замѣнить это лицо. Выборъ предсѣдателя выпалъ на
Владимира Степановича Ерофѣева, извѣстнаго своей службой
въ Восточной Сибири и выразившаго нынѣ готовность слу-
жить Обществу съ той же преданностью, какъ и его пред-
шественники. Составъ комитета также нѣсколько измѣнился.
Въ составъ комитета вмѣсто выбывшаго Я. А. Макурова во-
шелъ Бѣватъ.

Въ нынѣшнемъ году Общество содѣйствія учащимся си-
бирякамъ въ столицѣ также старалось приходить на встрѣчу

нуждамъ молодежи, какъ и въ предъидущіе года. Запросъ
на вспомошествованіе былъ не менѣе, чѣмъ въ прошлые года,
равно какъ и расходы Общества. Въ теченіе года израсходи-
вано на ссуды 8,640 руб. 50 коп.

Въ нынѣшнемъ году, какъ видно, Общество сдѣлало шагъ
на почвѣ содѣйствія учащейся молодежи устраиваться на ро-
динѣ по окончаніи курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.
Этотъ шагъ выразился въ обращеніи Общества содѣйствія
учащимся сибирякамъ къ генераль-губернаторамъ: степному—
Колпаковскому, Восточной Сибири—графу А. И. Игнатьеву,
амурскому—барону Корфу, къ томскому губернатору и тоболь-
скому. Общество просило позволенія ходатайствовать о ли-
цахъ, оканчивающихъ курсъ и желающихъ возвратиться на
родину на служебныя мѣста; причемъ оно беретъ на себя
указаніе специальности, къ которой эти лица себя готовили,
и условій, на которыя они готовы согласиться.

Въ отвѣтъ на эти обращенія Общество имѣло честь по-
лучить благосклонное увѣдомленіе отъ степнаго генераль-
губернатора—генерала Колпаковского, отъ амурскаго гене-
раль-губернатора—барона Корфа и отъ томскаго губернатора—
А. И. Лакса. Всѣ они, сочувствуя намѣреніямъ Общества и
раздѣляя его благія желанія содѣйствовать уроженцамъ
Сибири получать мѣста на родинѣ, обѣщали воспользоваться
предложеніемъ Общества и указали пути и условія, при ка-
кихъ они могутъ въ данную минуту осуществить указанное
желаніе.

Мы полагаемъ, что, какъ сдѣланный шагъ Обществомъ, такъ
и выраженное сочувствіе воспользоваться стремленіями и же-
ланіемъ уроженцевъ Сибири служить своей родинѣ, не мо-
гутъ не имѣть извѣстнаго общественнаго значенія. Дѣйстви-
тельно, весьма страннымъ и необъяснимымъ явленіемъ мѣст-
ной жизни было то, что правительство и мѣстная админи-
страція сплошь и рядомъ, нуждаясь въ людяхъ, принуждены
были вызывать съ огромными привилегіями желающихъ слу-
жить на окраинахъ, тогда какъ уроженцы Сибири, оканчивая
курсъ, при всемъ желаніи ѣхать на родину, должны были
оставаться въ столицѣ и университетскихъ городахъ безъ
мѣсть или искать мѣсть не на родинѣ и часто, въ средѣ
несродной имъ, служить менѣе усердно, скучать, постоянно
томиться; чувство неудовлетворенности также заставляло ски-
даться многихъ безъ особой цѣли.

Прибыли въ Токагаму: корветъ «Рында» 21-го, фегать «Дмитрій Донской» — 22-го октября.

Въ запискахъ Императорскаго русскаго археологическаго Общества п. III вып. I 1887 года въ протоколахъ засѣданій появился отчетъ г. Ядринцева о поѣздкѣ его въ Восточную Сибирь въ 1886 года для обозрѣнія сибирскихъ музеевъ. Отчетъ передаетъ обо всѣхъ послѣднихъ археологическихъ работахъ и коллекціяхъ, виденныхъ отъ Москвы до Иркутска.

При тѣхъ же запискахъ вышелъ томъ біографіи знаменитаго ориенталиста, В. В. Григорьева, съ его письмомъ, составленный Веселовскимъ.

24-го октября въ С.-Петербургской судебной палатѣ въ 11 часовъ утра было 2 литературныхъ процесса. Одинъ по обвиненію редактора «Восточнаго Обозрѣнія» лѣсничимъ Павловскимъ, бывшимъ управляющимъ Государственными Имуществами въ Западной Сибири, другой—редактора «Эхо», г. Тразинера, за напечатаніе корреспонденціи изъ Ялуторовска, гдѣ разсказывается, что въ 1885 году, при выходѣ одной ссыльной партіи въ 25 человекъ, начальникъ конвой приказалъ прикладами разгонять провожавшихъ эту партію, причемъ нанесены были увѣчья. Начальникъ уѣздной команды подалъ жалобу и объяснял, что увѣчий не было произведено, и что команда конвой отгѣснила только провожавшихъ. Редакторъ Тразинеръ сказалъ въ свое оправданіе, что такое «отгѣсненіе прикладами» не могло быть безъ вещественныхъ знаковъ на тѣлѣ. Судъ приговорилъ г. Тразинера къ штрафу въ 15 руб.

Сущность и результаты процесса редактора «Восточнаго Обозрѣнія» мы печатаемъ отдѣльно. Редакторъ послѣ произнесенной имъ защитительной рѣчи, оправданъ.

Разгадка письма редактора «Сибирскаго Вѣстника». Въ № 113 «Сибирскаго Вѣстника» появилось письмо редактора Картамышева, перепечатанное Петербургскими газетами. Письмо это адресовано на имя С. С. Валгусова, строителя дома для народной читальни, въ честь котораго устраивался обѣдъ томскимъ обществомъ. Письмо Картамышева заключало слѣдующее:

«Милостивый Государь,
Семенъ Степановичъ,

«Вслѣдствіе положительнаго желанія, выраженнаго г. томскимъ губернаторомъ, чтобы я не присутствовалъ ни на церемоніи освященія зданія народной бібліотеки, ни на обѣдѣ, который вамъ даютъ благодарные граждане, я не имѣю возможности лично васъ поздравить съ завершеніемъ славнаго и высоко полезнаго дѣла. Но, какъ представитель сибирской печати, считаю долгомъ отъ лица ея, хотя письменно, увѣрить васъ, что горжусь честью быть согражданиномъ такихъ доблестныхъ людей, какъ вы, и что присутствіе въ нашей средѣ лицъ, подобныхъ вамъ, исполненныхъ настоящею любовью къ народнымъ нуждамъ, по-истинѣ укрѣпляетъ духъ работниковъ публичнаго слова.

«Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и глубокомъ уваженіи.

«Редакторъ «Сибирскаго Вѣстника» *В. Картамышевъ.*

Томскъ.

Газета «Недѣля» связываетъ это письмо съ другимъ заявленіемъ, напечатаннымъ въ той же газетѣ о какихъ то козняхъ враговъ г. Картамышева, гдѣ онъ съ пафосомъ заявляетъ о своемъ намѣреніи продолжать служить «дорогому ему, Картамышеву, краю». Давно-ли только для г. Картамышева этотъ край сталъ дорогимъ?

Исторія о неприглашеніи г. Картамышева на общественный обѣдъ въ честь жертвователя Валгусова уже разъяснена. Мы можемъ навѣрное сообщить, что г. Картамышевъ не былъ приглашенъ на обѣдъ вовсе не потому, что его не хотѣли допустить какъ «представителя сибирской печати», которымъ вдумалъ именовать себя г. Картамашевъ,—таковымъ онъ никогда не былъ, ибо его враждебныя отношенія къ этой печати достаточно выяснились. Онъ не былъ приглашенъ на обѣдъ, какъ оказывается, потому, что все предшествовавшее поведеніе его въ

публичныхъ мѣстахъ внушало опасенія. Г. Картамышевъ исключонъ изъ томскаго клуба, или собранія, за скандалы. Вотъ почему его присутствіе на торжественномъ обѣдѣ могло повести къ какимъ либо недоразумѣніямъ. Въ видахъ этого, какъ объяснено теперь въ официальномъ опроверженіи, томскій губернаторъ не налагая формальнаго запрещенія на приглашеніе, г. Картамышева на обѣдъ, указалъ только, что быть на обѣдѣ, гдѣ участвуетъ г. Картамышевъ, онъ считаетъ неудобнымъ. Общество само не пригласило г. Картамышева. Относительно же присутствія его на молебнѣ никакихъ приказаній не было. (См. опроверженіе въ № 116 «Сибирскаго Вѣстника»).

Желательно, чтобы столичныя газеты, напечатавши письмо г. Картамышева, разъяснили это обстоятельство.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Содержаніе. Изъ Томска. Освященіе новаго зданія бесплатной народной бібліотеки и отдача его на вѣчныя времена обществу попеченія о начальномъ образованіи. Состоявшійся въ честь устроителя по подпискѣ обѣдъ въ общественномъ собраніи. Изданіе брошюры объ устройствѣ народной бібліотеки. Ассигнованіе думою 3,000 руб. на содержаніе мировыхъ судовъ. Три значительныхъ пожара. Интересное дѣло въ томскомъ губернскомъ судѣ о бѣгло-каторжномъ Сивковѣ.—Изъ Ташкента. Обиліе садовъ и громадныя затраты, произведенныя для устройства ихъ. Зданіе военнаго клуба, его великолѣпная архитектура и внутреннее убранство. Музей и бібліотека. Составъ населенія г. Ташкента.—Изъ Киренска. Убийство арестантомъ цѣловальника-ростовщика. Поселенцы—обычныя герои мѣстныхъ драмъ. Вѣднота населенія; его враждебныя отношенія въ пришлецу-поселенцу.

Томскъ (корр. „Вост. Обозр.“). Въ воскресенье, 27-го сентября, въ 12 ч. дня, здѣсь было отслужено весьма торжественно при архіерейскомъ служеніи освященіе новаго зданія бесплатной народной бібліотеки. Предсѣдатель общества попечительства о начальномъ образованіи П. И. Макушинъ и члены совѣта этого общества любезно принимали гостей, которыхъ на этотъ разъ собралось довольно много. Былъ замѣтенъ болѣе преобладающій элементъ—„люди сѣрый“. Изъ почетныхъ гостей, кромѣ преосвященнаго Исаакія и другихъ духовныхъ лицъ, на освященіи были: начальникъ губерніи, генералъ Лаксъ, вице-губернаторъ Н. Н. Пѣтуховъ, попечитель учебнаго округа В. М. Флоринскій, городской голова Е. И. Корольевъ и др. Передъ началомъ молебствія г. Макушинъ прочелъ письмо въ совѣтъ Общества начальнаго образованія устроителя зданія бібліотеки С. С. Валгусова, въ которомъ онъ говоритъ, что, сочувствуя дѣлу народнаго образованія и желая упрочить существованіе народной бібліотеки, онъ даритъ это выстроенное имъ зданіе Обществу попеченія о начальномъ образованіи на вѣчныя времена. Зданіе, дѣйствительно, прекрасно и будетъ несомнѣнно однимъ изъ лучшихъ общественныхъ зданій въ Томскѣ. Зданіе—каменное двухэтажное, съ большимъ въ два свѣта заломъ для чтеній, лекцій, народныхъ спектаклей и т. п. Внизу двѣ комнаты подъ бібліотеку, вверху квартира для бібліотекаря. Жаль только, что это зданіе стоитъ не въ центрѣ города, а на грязномъ мясномъ базарѣ. Въ этомъ устроителѣ не виноватъ, дума не согласилась по какимъ-то, не знаю, соображеніямъ уступить мѣсто противъ бібліотеки Макушина на Большой улицѣ, близъ Большаго моста. Послѣ окончанія молебствія преосвященный Исаакій обратился съ нѣсколькими словами къ С. С. Валгусову. Онъ благодарилъ Семена Степановича за благое дѣло, указывалъ, какъ необходима народная бібліотека для бѣднаго люда, предупреждая тѣхъ, отъ кого будетъ зависѣть дальнѣйшее устройство бібліотеки, что бібліотека можетъ служить и зломъ для народа, если будетъ подборъ книгъ плохихъ и безнравственныхъ. Въ 5 часовъ вечера въ общественномъ собраніи былъ устроенъ въ честь устроителя обѣдъ по подпискѣ. Говорятъ почтить Степана Степановича собралось до 50 человекъ. На этомъ обѣдѣ былъ устроенъ сборъ на покупку книгъ для бібліотеки, давшій, какъ говорятъ, болѣе двухъ сотъ рублей. Кромѣ того ко дню освященія была издана брошюра объ устройствѣ народной бібліотеки въ Томскѣ, украшенная портретомъ С. С. Валгусова и видомъ зданія. Выручка отъ продажи этой брошюры пойдетъ также на покупку книгъ для бібліотеки. Да про-

цвѣтает народное образованіе и пусть здравствуют на многія лѣта жертвователи, подобные почтенному С. С. Валгусову!

Изъ другихъ новостей томской жизни укажемъ на то, что въ засѣданіи думы 28-го сентября было рѣшено назначить на содержаніе мировыхъ судовъ, имѣющихъ быть установленными въ Томскѣ въ скоромъ времени, 3,000 рублей въ годъ, кромѣ суммъ, которыя останутся свободными изъ расходовъ на окружный и словесный суды съ учрежденіемъ мировыхъ. Говорятъ, что и Війскъ ассигновалъ такую-же сумму. Вопросъ этотъ обсуждался по предложенію предсѣдателя томскаго губернскаго суда.—Затѣмъ въ Томскѣ, въ сентябрѣ, было 3 значительныхъ пожара: сгорѣла механическая мельница „Ростовскаго Таварішества“, горѣли конюшни на заводѣ Фуксмана и, недавно еще, обгорѣлъ пивоваренный заводъ Горбатовскаго. Другіе наши новости самые обыкновенныя: кражи и грабежи... Слышно, что къ намъ будетъ назначенъ новый полицій-мейстеръ. 29-го сентября въ томскомъ губернскомъ судѣ разсматривалось любопытное дѣло о бѣгло-каторжномъ Евстафій Сивковѣ и др., обвиняемыхъ въ фабрикаціи фальшивыхъ денегъ. Поэтому дѣлу въ началѣ было привлечено до 75 человекъ крестьянъ деревни Сибирячихи Війскаго округа, сбывавшихъ фальшивыя деньги и устроившихъ Сивкова для его работы въ нарочно для того купленной пасѣкѣ. Вслѣдствіе оговора Сивковымъ послѣ поимки его властями многихъ крестьянъ, его покушались отравить, когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Судъ приговорилъ Сивкова къ безсрочной каторгѣ и 90 ударамъ плетью, съ назначеніемъ въ каторгѣ въ разрядъ испытываемыхъ на 12 лѣтъ, другихъ обвиняемыхъ къ соответствующимъ наказаніямъ.

Ташкентъ, (корресп. Восточнаго Обозрѣнія). Садовъ въ Ташкентѣ много и каждый чѣмъ-либо знаменуетъ. На «скверѣ», напр., могила Константина Петровича Кауфмана весьма скромно памятуется чугунной плитой съ надписью: К. П. такой-то, тогда-то родился, тогда-то умеръ; могила обнесена чугунной (столбикъ—туземная, мѣдная и чугунныя пушки) оградкой — цѣпью. Садъ военнаго собранія, гораздо большій, красиво расчищенъ, хотя не особенно богатъ аллеями, дорожками. Садъ генераль-губернатора, кромѣ прекрасной планировки, знаменитъ богатѣйшей обстановкой. Тутъ искусственные горы съ растительностью, — ели, сосенки, по сторонамъ дорожки, идущія винтомъ вокругъ (круглой горки), и съ затѣйливой бесѣдкой на вершинѣ рѣки съ вычурными мостами; черезъ нихъ пруды съ островами, на коихъ садки и другія постройки для кроликовъ и птицъ (голуби разныхъ породъ, фазаны, атайка-красная утка). Городской садъ, «Туркестанъ», для искателей и искательницъ приключеній, имѣетъ театр, о представленіяхъ въ которомъ пока не можемъ ничего сказать, ибо не имѣли случая прослѣдить игры. Наконецъ, чудо-садъ, дача генераль-губернатора, въ сравненіе съ которымъ, конечно, не можетъ идти ни одинъ изъ вышеописанныхъ ни въ какомъ отношеніи. Средства и рабочихъ рукъ не мало погребено, чтобы получился такой садъ. Видно, что средствъ не жалѣли здѣсь... располагали не малыми. О садахъ пока довольно,—вѣдь, собственно, весь Ташкентъ—садъ. Какъ на доказательство того, что со средствами въ Туркестанѣ (да и въ Семирѣчьи) обыкновенно не церемонятся, укажу на баснословныя затраты для зданія военнаго клуба. Во всемъ Ташкентѣ такихъ великолѣпныхъ по архитектурѣ, главное, внутренней обстановкѣ, убранству, удобству помѣщеній, зданій найдется много два—три. И какихъ только нѣтъ въ немъ помѣщеній: танцевальный залъ, залъ для пѣнія и театральнаго игры, уборныя мужскія и дамскія, карточныя, читальни (зимняя—вверху и лѣтняя—внизу), комнаты для отдыха отъ танцевъ, столовая, биллиардная; словомъ, число комнатъ около 2-хъ десятковъ. Расположеніе комната таково: въ центрѣ зданія огромный, круглый залъ; два входа въ него обставлены великолѣпными пріемными съ зеркалами; прихожая съ параднаго (зимомъ) крыльца; по сторонамъ зала—ниши, уставленныя богатыми бархатными креслами... Говорить-ли о дорого-стоящихъ, въ безчисленное множество огней, люстрахъ, затѣйливыхъ, какъ и люстры, бронзовыхъ подсвѣчникахъ, гдѣ геркулесъ держитъ множество свѣчей или фигурную лампу... Въ сѣверной сторонѣ зала—сцена, которая отъ зала отдѣляется аркой, съ богатымъ бархатнымъ драпри; на полу сцены лежитъ дорогой (около 3-хъ тысячъ) коверъ; отсюда ходъ въ дамскую уборную, по царски убранную, въ читальню, которая, кстати, такъ же-

стоко бѣдна, какъ само собранье съ обстановкой излишне роскошно. Дальше мужская уборная, карточная мужская и дамская и проч. Какъ необходимая принадлежность военнаго собранія, въ саду имѣется тиръ. Тераса, выходящая въ садъ (ходъ, заколачиваемый на зиму), уставлена цвѣтами. Даже на хорахъ зала (зданіе 2-хъ-ярусное) обстановка весьма затѣйлива... Словомъ, на такое зданіе съ его обстановкой цифра издержекъ выражается не въ одномъ, а нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ. Къ чему подобная роскошь? *) Или иныхъ, болѣе настоятельныхъ нуждъ не имѣется въ этомъ блаженномъ краѣ!.. Судите теперь о цифрѣ издержекъ на дворецъ генераль-губернатора, который еще богаче, еще великолѣпнѣе. Великолѣпнѣе, правда, также вновь строящейся соборъ, о которомъ, кажется, я уже говорилъ, но это одинъ пока изъ храмовъ Божіихъ, а другія 2—3 церкви слишкомъ скромны планомъ, архитектурой и самой обстановкой...

Музей, безъ сомнѣнія свидѣтельствующій о просвѣщенномъ спросѣ, о надобности въ такомъ учрежденіи, довольно богатъ и полонъ собранными предметами изъ древностей края, какъ-то: огнестрѣльнымъ оружіемъ и земледѣльческими орудіями туземныхъ народностей, ихъ одеждой, обувью, домашней утварью, конскимъ уборомъ; а также и предметами современнаго вооруженія и проч. Успѣшно пополняются отдѣлы зоологической и ботанической, а также—уродовъ (о 4-хъ лапахъ цыпленокъ, двухголовый теленокъ, ребенокъ-недоносокъ, 4-хъ мѣсяцевъ, мужскаго пола и проч.). Библіотекъ у насъ нѣсколько частныхъ и, довольно богатая, общественная (настолько либеральная, что, между прочимъ, выписываетъ 1 экз. «Восточнаго Обозрѣнія», вопреки конфиденціальному запрещенію правящаго краемъ класса). Затѣмъ, магазины колониальныхъ, мануфактурныхъ и другихъ товаровъ—совершенно на европейскій ладъ по архитектурѣ зданія, а, главное, по внутренней ихъ обстановкѣ и установкѣ предметами торговли. Стекла въ дверяхъ и окнахъ, нечего и говорить, зеркальныя.

Жизнь въ Ташкентѣ не дорога... и живетъ болѣе или менѣе не скучно... Но все это—на военный ладъ, въ струнку, точно въ Берлинѣ. И, какъ въ Берлинѣ, военный человекъ въ большомъ почетѣ.

Въ населеніи Ташкента русскіе, сравнительно съ туземцами, едва составляютъ сотую часть, а другія европейскія народности ровно капли въ морѣ. Затѣмъ сарты-торговцы и просто аборигены, и военные—артиллерія, кавалерія, пѣхота (до десятка баталіоновъ). Музыка военной, стало быть, много... Гуляй, веселись! оно такъ и есть: ежедневно въ какомъ-либо саду музыка, гулянье. Вообще, по своему ташкентцы живутъ весело. Замѣтенъ недостатокъ второй половины человечества на общественныхъ гуляньяхъ, театрахъ, концертахъ; въ музеѣ и общественной бібліотекѣ мы ихъ совсѣмъ не видали. Въ теченіи цѣлаго дня видишь солдата, сарта, офицера, и не-офицера, со свѣтлыми пуговицами. Большое обращаетъ на себя вниманіе въ Ташкентѣ выѣздъ генерала-губернатора изъ своего дворца или дачи, въ сопровожденіи, обыкновенно, блестящей свиты...

Киренскъ (корр. „Восточн. Обзор.“). Недавно еще, около мѣсяца тому назадъ, въ Киренскѣ имѣлъ мѣсто слѣдующій случай. Изъ мѣстнаго тюремнаго замка были отпущены, подъ конвоемъ тюремнаго надзирателя, на работу нѣсколько арестантовъ. Одинъ изъ нихъ, проходя по набережной улицѣ, заскакиваетъ, пользуясь невнимательностью стража, въ кабакъ и, перебросившись 2—3 фразами съ цѣловальникомъ, наноситъ ему припасеннымъ ножомъ нѣсколько ранъ, а самъ убѣгаетъ; но онъ былъ тутъ-же немедленно и пойманъ. Прибывшія власти нашли сидѣльца уже мѣртвымъ. Оказалось, что убитый, состоя сидѣльцемъ, былъ извѣстенъ между мѣстными ворами за человекъ своего и покровительствовалъ имъ, принимая краденныя вещи яко-бы, для сокрытія до времени; но вещей этихъ не только не возвращалъ промышленникамъ, но не считалъ нужнымъ зачастую даже что-нибудь давать за нихъ. Такое поведеніе патрона, конечно, ожесточило братію, къ тому-же этотъ патронъ ссужалъ мѣстныхъ жигановъ копѣйками и рублями, взимая непо-мѣрную за это мзду. И вотъ въ лицѣ убійцы явился мститель. Впрочемъ, мы, Киренчане, можемъ еще пока благодарить Бога за

*) Въ Маргеланѣ, пишутъ, военное собраніе еще роскошнѣе ташкентскаго.

сравнительный миръ и тишину въ нашемъ городѣ, такъ какъ въ округѣ, особенно въ нѣкоторыхъ его уѣздахъ, какъ знаменитый Витимъ, убійства, самыя безцеремонныя и являющіяся результатомъ бездѣлья, пьянства и разнузданности страстей—явленія вполне обыкновенныя. Главными, если не исключительными, героями этихъ драмъ являются поселенцы, этотъ, по-истинѣ, бичъ сибиряковъ. Пройдя предварительно школу всевозможныхъ мѣстъ заключенія и этаповъ, народъ этотъ является на мѣсто своего назначенія съ очень определенными, если не взглядами на предстоящую жизнь, то чувствами къ ближнему, чувствами, вполне отвѣчающими извѣстному выраженію: homo homini lupus est. Надо, впрочемъ, признать, что укрѣпленію и развитію въ поселенцахъ такихъ чувствъ не мало способствуютъ сами аборигены мѣстности или, лучше сказать, тѣ условія, въ какихъ находятся послѣдніе, и въ какія попадаютъ первые. Нашъ, при-ленскій, мужикъ бѣденъ до того, что составить понятіе о его бѣдности на основаніи однихъ разсказовъ, какъ бы достовѣрны они ни были, нельзя. Бѣденъ онъ по причинамъ естественнымъ, но о нихъ говорить теперь я не буду, а лишь въ доказательство его бѣдности укажу на то, что вся ежедневная пища большинства при-ленскаго крестьянства состоитъ изъ такъ называемаго чая, т. е. отвара корня и листьевъ шиповника, ольховыхъ наростовъ и проч. иногда съ небольшою примѣсью плиточнаго чая; изъ ярушника, т. е. ячменнаго хлѣба (ржаной употребляется очень рѣдко), и, въ хорошіе года, еще изъ вареной картошки съ солью. Чай пьютъ они три раза въ день,—утромъ, вмѣсто обѣда и вечеромъ; пьютъ, конечно, безъ сахара. О яствѣ нашъ мужикъ и думаетъ-то рѣдко, развѣ въ праздники, а яствъ его, да и то не всякій, только въ такіе праздники, какъ Пасха и Рождество. При такихъ экономическихъ условіяхъ, весьма понятно, что на всякій лишній ротъ здѣшній крестьянинъ смотритъ враждебно, паче же, если ротъ этотъ явился къ нему изъ-за тысячи верстъ, да еще съ намѣреніемъ его-же обработать. Вотъ такимъ именно ротомъ и является почти поголовно поселенецъ. Говорю поголовно ввиду того, что если между поселенцами изрѣдка и попадаютъ люди съ нѣсколькими десятками или сотнями рублей, то во-первыхъ, это слишкомъ рѣдко, а во-вторыхъ и эти счастливыцы опять таки для массаго крестьянина-аборигена тотъ же чужой ротъ, только въ иномъ видѣ. Всякій такой зажиточный поселенецъ прежде всего старается пустить свой капиталъ въ оборотъ съ расчетомъ, конечно, заработать какъ можно больше, ну, и пускаетъ, ссужая своими рублями мѣстное населеніе, т. е. становясь сразу по отношенію къ сибиряку въ положеніе кулака. Но такихъ, вѣроятно, слишкомъ мало между поселенцами, большинство же настолько бѣдно, что зачастую, кромѣ арестантскихъ халата, сорочки да портовъ, одежды никакой съ собой не приносятъ, и положеніе этихъ послѣднихъ дѣйствительно незавидное. Необходимый кусокъ хлѣба и кровъ найти по вышеприведеннымъ причинамъ трудно, работу—еще труднѣе, а если послѣдняя и попадаетъ какому нибудь счастливцу, то трудъ оплачивается настолько бѣдно, что работникъ—поселенецъ сразу-же становится во враждебныя отношенія къ своему работодателю, обыкновенно крестьянину. Вражда эта увеличивается еще и тѣмъ, что, вида нужду поселенца, крестьянинъ или мѣщанинъ не стѣсняются и даютъ ему плату въ 2 раза дешевле существующей, причемъ не рѣдко изъ двухъ работниковъ, крестьянина и поселенца, хозяинъ платитъ первому, напримѣръ, 4—5 руб. въ мѣсяцъ, а второму 3 руб. и даже 1½ руб. Начавшись при такихъ условіяхъ, отношенія крестьянина къ поселенцу могутъ сложиться въ отношенія только враждебныя другъ къ другу; въ самомъ же поселенцѣ еще болѣе крѣпнеть и развивается признаніе въ челоуѣкѣ волка и, по пословицѣ „лучше съѣсть, чѣмъ быть съѣденнымъ“, поселенецъ, при случаѣ охулки, на руку не кладетъ, и въ выборѣ средствъ для завоеванія себѣ куска хлѣба не стѣсняется.

ИТОГИ ВЫСТАВКИ ВЪ ЕКАТЕРИНБУРГѢ.

Выставка кончилась, слѣдовательно, теперь наступило время выводовъ и заключеній. Конечно, мы можемъ сдѣлать только относительную оцѣнку, въ предѣлахъ тѣхъ возможностей, какими было обставлено это сложное дѣло.

Прежде всего считаемъ долгомъ напомнить читателю что выставка въ Екатеринбургѣ еще первый примѣръ провинціальной выставки, и крайне знаменательно уже одно то, что этотъ первый примѣръ явился на восточномъ склонѣ Урала, т. е. въ азіатской Россіи. Далѣе, не лишнимъ будетъ отмѣтить и то, что всѣ большія выставки являлись на свѣтъ Божій по правительственному почину, съ громадными средствами и тысячами благопріятныхъ условій, а здѣсь—иниціаторомъ выдвинулось провинціальное ученое общество, и выставка, созданная на ничтожныя до смѣшнаго средства, должна была бороться съ массой своеобразныхъ препятствій и мелкихъ тормазовъ. Наконецъ, что особенно важно, устроить такую выставку въ Екатеринбургѣ, въ этомъ городѣ легкой наживы, краденаго золота и картъ, тоже чего-нибудь да стоило... До послѣдняго момента всѣ были увѣрены, что выставка провалится и покроетъ позоромъ своихъ устроителей, но, къ счастью, вышло совсѣмъ наоборотъ. Основной выставочный фондъ въ первоначальномъ проэктѣ былъ поднятъ до 150,000 руб., что, сравнительно, очень немного. Но мѣстной администраціи такая цифра показалась очень большою, и ее понизили до 50 тысячъ, что уже являлось само-по-себѣ нелѣпностью. Въ самомъ дѣлѣ, какую выставку можно устроить на такія средства? Сами иниціаторы повѣсили голову, и по предполагаемой смѣтѣ доходовъ можно заключить, что они не рассчитывали на успѣхъ. Именно, входная плата предполагалась въ проэктѣ всего въ 4,000 руб. Но дѣйствительность имѣетъ свои смѣты: входная плата достигла 22,000 руб., т. е. въ 5½ разъ больше. Всѣхъ посѣтителей было около 80,000 челоуѣкъ; слѣдовательно, на каждый день приходится, считая выставочный сезонъ въ 3 мѣсяца, 888 челоуѣкъ и 242 руб. 40 коп. сбора за одни входные билеты. Такой успѣхъ достаточно говоритъ самъ за себя и не нуждается въ объясненіяхъ...

Нужно оговориться: выставка—не промышленное предпріятіе, и внѣшній успѣхъ еще не служитъ ручательствомъ хорошаго внутренняго содержанія. Самая лучшая выставка можетъ дать громадный дефицитъ, и трудно было-бы ее обвинять въ этомъ. Все это вѣрно для большихъ столичныхъ выставокъ, гдѣ счетъ идетъ на сотни тысячъ, но для первой провинціальной выставки чрезвычайно важно было оправдать себя именно въ этомъ направленіи, чтобы не вышло по словицѣ: „нахвастала синица, а моря не зажгла“. Въ самомъ дѣлѣ, есть-ли потребность въ подобныхъ выставкахъ, и какъ къ нимъ отнесется неподвижная и темная провинціальная масса?.. Жадная до всякихъ зрѣлищъ столичная публика, привыкшая ко всякаго рода зрѣлищамъ, еще не указъ для провинціальныхъ кадиковъ, а выставка безъ посѣтителей могла затормозить дорогу и другимъ благимъ начинаніямъ въ этомъ направленіи. Вообще, выставка въ Екатеринбургѣ являлась чрезвычайно отвѣтственнымъ дѣломъ, и мы обращаемъ особенное вниманіе на нее, какъ на общественное явленіе, гдѣ сошлись лицомъ къ лицу съ одной стороны кучка интеллигентныхъ лицъ, составляющихъ уральское общество любителей естествознанія, а съ другой—мѣстная уральская публика. Отвѣтомъ служатъ тѣ восемьдесятъ тысячъ посѣтителей, о которыхъ мы уже говорили выше—это очень почтенная цифра, которая для послѣдующей выставочной практики можетъ послужить живымъ матеріаломъ. Такимъ образомъ, общественная роль выставки выяснилась очень рельефно, и остается только воспользоваться этимъ примѣромъ.

Отъ этихъ общихъ соображеній переходимъ къ частностямъ, причемъ, конечно, не будемъ перечислять экспонентовъ и дѣлать имъ оцѣнку, чему было свое время и мѣсто.

Изъ одиннадцати выставочныхъ отдѣловъ каждый имѣлъ за собой спеціальныя достоинства, даже такія, какъ желѣзнодорожный или ввозный—послѣдній ужъ явился совсѣмъ „сбоку припекой“. Пробѣгая программу выставки, каждый даже непосвященный отлично зналъ впередъ, что самый богатый и блестящій изъ отдѣловъ—горнозаводскій, а за нимъ уже слѣдовали остальные. Но даже люди бывалые на выстав-

кахъ не повимали, что такіе забвенные отдѣлы, какъ кустарный или учебный, могутъ быть интересными. Мы съ нихъ и начнемъ, тѣмъ болѣе, что можемъ сравнить съ такими-же отдѣлами на двухъ московскихъ выставкахъ 1872 и 1882 г. Тамъ эти отдѣлы совсѣмъ какъ-то терялись въ общей массѣ, а кустарный являлся еще только въ своемъ зачаточномъ видѣ. Въ Екатеринбургѣ же тотъ и другой представляли собой определенное цѣлое и сосредоточивали на себѣ самое упорное вниманіе публики. Такой успѣхъ объяснялся не бѣдностью другихъ отдѣловъ, а полнотой и внутренними достоинствами. Въ самомъ дѣлѣ, съ самымъ словомъ „учебный“ соединялась скучная мысль о тетрадкахъ, ученическихъ работахъ и, вообще, матеріяхъ самыхъ неинтересныхъ. На дѣлѣ получилось другое, хотя большинство экспонентовъ и не поняло своей задачи. Но достаточно одного того, что красноуфимскій уѣздъ представилъ массу матеріала вполне обработаннаго, который невольно поразилъ даже специалистовъ. Красноуфимское реальное училище и инспекція народныхъ школъ могла смѣло фигурировать на любой всемірной выставкѣ. Мы увѣряемъ, что и другіе уѣзды, какъ екатеринбургскій и верхотурскій, если когда-нибудь устроится вторая выставка, явятся во всеоружіи своихъ матеріаловъ. Восемьсотъ школъ пермской губерніи выставили до 15 тысячъ работъ, а за ними слѣдовали спеціальныя заведенія: ремесленные, техническія, руководянія, реальныя и т. д. Это былъ юбилей двадцатипятилѣтія 19 февраля и дѣятельности уральскихъ земствъ. Завзятые скептики могли убѣдиться воочию, что нарастаетъ многотысячная грамотная масса, и что уже сдѣланы первые шаги профессиональнаго образованія въ краѣ, который воздастъ сторицей за каждую кроху знанія. Это цѣлая нива, воздѣланная безвѣстными „дѣятелями“, и только нужно нѣсколько солнечныхъ дней, чтобы „Господь украсилъ ее зернышкомъ“, какъ говорятъ пахари... Пишемъ эти строки съ искренней и чистой радостью:

Встали — не бужены,
Вышли — не прошены,
Жита по зернышку
Горы нашошены...

Да, хорошо говорить о хорошемъ, тѣмъ болѣе, что въ нашей сѣренькой жизни такъ мало этого хорошаго. Какъ жаль, что сибирскія школы не откликнулись на братскій призывъ уральцевъ: получился-бы богатый и поучительный матеріалъ для сравненія... Виною этому послужили, быть можетъ, тѣ же московскія выставки, на которыя провинція посылала школьныя работы и не получила ни отвѣта, ни привѣта: все посланное, какъ въ воду, кануло. Какъ устроители нашей выставки, такъ и публика и экспертиза, отнеслись къ учебному дѣлу съ большимъ вниманіемъ. Мы уже говорили, что большинство экспонентовъ не поняло своей задачи, и въ рукахъ экспертизы, для безошибочной оцѣнки каждой школы въ отдѣльности, не было иногда достаточныхъ матеріаловъ; но за этими частными ошибками, промахами и недочетами не терялась общая картина и общее впечатлѣніе, что и важно въ выставочномъ дѣлѣ.

Кустарный отдѣлъ не имѣлъ такой полноты, потому что здѣсь крайне трудно было разграничить экспонаты собственно кустарные отъ ремесленныхъ и даже фабричныхъ. Не будемъ обвинять устроителей въ этомъ, потому что и въ наукѣ еще не выработались твердыя опредѣленія и грани переходныхъ ступеней этого промысла. Укажемъ на спеціальныя трудности, съ которыми приходилось здѣсь бороться. Кустари — необразованная и разбросанная масса, изученіе которой только еще началось. Здѣсь приходилось не ждать поступления экспонатовъ, а собрать ихъ. Вотъ для послѣдняго-то и нужны были средства, а такихъ средствъ не оказалось. Устройство кустарнаго отдѣла всецѣло принадлежитъ земству, и оно сдѣлало слишкомъ много, чтобы упрекать его въ недочетахъ и пробѣлахъ. Да, были крупныя промахи — мы не отрицаемъ, но вѣдь и задача была не легкая. По нашему мнѣнію, у собирателей кустарныхъ экспонатовъ главнымъ образомъ не доставало руководящей идеи въ работѣ. Брали то, что попадало

подъ руку, и тащили на выставку, а тамъ уже были готовы рамки для распредѣленія матеріала, именно по уѣздамъ. Но изъ этого получалось то, что, напримѣръ, сундучный промыселъ, развитый въ двухъ уѣздахъ, потерялъ свою цѣльность и полноту, хотя въ ряду другихъ кустарныхъ производствъ ему по обилію и разнообразію собраннаго матеріала, особенно посчастливилось. То же самое съ коженными издѣліями, тканями и пожевымъ товаромъ. Дѣло въ томъ, что отдѣльныя земства работали каждое въ свою голову и недостатокъ общей программы въ работѣ сказался очень ясно. Возьмите, напримѣръ, кустарныя желѣзныя издѣлія; производство которыхъ раскидано по всему Уралу, — интересна здѣсь общая картина, потому что этотъ запретный плодъ (огнедѣйствующія заведенія на Уралѣ запрещены съ 1806 года) является продолженіемъ и дополненіемъ крупнаго заводскаго дѣла. Всего любопытнѣе здѣсь то, что кустари работаютъ изъ краденаго чугуна (извѣстно, что, добываясь высокихъ ввозныхъ пошлинъ на заграничный дешевый чугунъ, уральскіе заводчики не доставляютъ на рынокъ никакаго чугуна — ни дешеваго, ни дорогаго) и на воровскомъ углѣ... А между тѣмъ представлено было ваграночное чугунное литье, которое оказывается вдвое дешевле заводскаго. Остальныя желѣзныя, стальные и мѣдныя издѣлія оказались ни чѣмъ не хуже тульскихъ и павловскихъ, что доказываетъ давность этого промысла и привычныя, умѣлыя руки. Вообще, собранный матеріалъ не былъ достаточно освѣщенъ цифровыми данными, а безъ этого онъ являлся мертвой массой, гдѣ вниманіе сосредоточивалось на отдѣльныхъ вещахъ и технической сторонѣ дѣла. Въ особую и совершенно самостоятельную группу слѣдовало выдѣлать такіе исключительно мѣстные промыслы, какъ каменный, сундучный, бурачный и др., чего не было сдѣлано. Кромѣ указанныхъ выше, смягчающихъ вину обстоятельствъ, главнымъ препятствіемъ здѣсь явилось то, что изученіе кустарныхъ промысловъ начато только въ одномъ екатеринбургскомъ уѣздѣ и пока еще не dokonчено. Вообще, изученіе кустарныхъ промысловъ дѣло, сравнительно, новое, и поэтому въ организацію кустарныхъ отдѣловъ вкрадываются необходимыя ошибки.

Отъ кустарнаго естественный переходъ къ фабричному отдѣлу, который устроился уже безъ всякихъ руководящихъ идей: кто и что привезетъ. Отмѣтимъ здѣсь одно, что вся фабричная дѣятельность исключительно сосредоточена, какъ въ Сибири, такъ и на Уралѣ — около водки, а все остальное существуетъ только такъ, „съ позволенія сказать“. Здѣсь приходится говорить о томъ, чего не достаетъ. Напримѣръ, на весь Уралъ и всю Сибирь ни одной полотняной или ситцевой фабрики, когда хлопчатникъ подъ рукой... Подвинулось впередъ мельничное дѣло, суконное производство, коженное, и возникаетъ писчебумажное. Въ фабричномъ отдѣлѣ фигурировали два новыхъ производства, возникшія на Уралѣ: первый фосфорный заводъ около Перми и первый содовый заводъ на р. Камѣ. Для фабричной дѣятельности у насъ всѣ благоприятствующія данныя, но ея развитіе тормозится тѣмъ же роковымъ закономъ, запрещающимъ огнедѣйствующія заведенія. Въ общемъ, обстановка фабричнаго отдѣла оставяла послѣ себя какое-то пестрое впечатлѣніе. Рядомъ съ нимъ можно поставить только сельско-хозяйственный отдѣлъ, гдѣ царилъ уже полный хаосъ. Приятнымъ исключеніемъ являлось то, что былъ доставленъ громадный выборъ всевозможныхъ усовершенствованныхъ орудій и земледѣльческихъ машинъ — эта статья быстро прогрессируетъ. Замѣтимъ здѣсь, что земледѣліе — краеугольный камень нашей уральской жизни и въ этомъ наше спасеніе. Больше 90% населенія — земледѣльцы, а это достаточно говоритъ само за себя. Одно благословенное Зауралье чего стоитъ... Но, къ сожалѣнію, сельско-хозяйственный отдѣлъ въ этомъ отношеніи рѣшительно ничего не далъ: всякія усовершенствованія, конечно, вещь очень почтенная, но изъ-за нихъ совсѣмъ забыли о среднемъ крестьянскомъ хозяйствѣ и его типичныхъ особенностяхъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Достаточно указать на то, что въ сѣверныхъ уѣздахъ Пермской губерніи идетъ лѣсная

полоса, а на югѣ начинается ужъ „орда“, т. е. башкирская степь, высланная сибирскимъ черноземомъ. Должна существовать крупная разница въ пріемахъ, орудіяхъ и средствахъ на этой земледѣльческой скалѣ, на одномъ концѣ которой стоятъ степные кочевники, а на другомъ лѣсные охотники. Такъ же не посчастливилось и скотоводству, которое занимаетъ видное мѣсто въ хозяйствѣ такого обширнаго края. Вообще, здѣсь нужно было много и много поработать...

Молохомъ нашей уральской жизни является горнозаводское дѣло: ему приносили и приносятъ въ жертву все—лучшія земли, миллионы десятинъ лѣса, сотни тысячъ населенія и т. д. Горнозаводскій отдѣлъ по виѣшности, дѣйствительно, явился блестящимъ, но это не измѣнило сущности дѣла. Устроители сдѣлали рѣшительно все, что могли сдѣлать, въ интересахъ выставки, но не отъ нихъ зависѣло измѣнить безобразія нашего горнозаводскаго хозяйства. Это нашъ „больной человѣкъ“... Днемъ раньше или днемъ позже уральскіе заводчики пойдутъ по міру—это вѣрно, и въ этомъ осязательно убѣдилъ горнозаводскій отдѣлъ. Уральское желѣзо дорого, потому что готовится на дорогомъ древесномъ топливѣ, ограниченный запасъ котораго не позволяетъ расширять производство до тѣхъ размѣровъ, когда начинается удешевленіе продукта; единственное спасеніе въ каменномъ углѣ, о чемъ уже писано и переписано. Но вмѣсто этого заводчики поднимаютъ ввозныя пошлины, и за эту чечевичную похлебку платятся всѣмъ своимъ будущимъ: эти пошлины кругомъ нихъ создали и создаютъ беспощадную конкуренцію—польскіе и южныя заводы уже показали себя, а тамъ предвидится поднятіе олонецкихъ заводовъ, основаніе заводовъ на Кавказѣ и, главное, въ Сибири. Наши магнаты поцарствуютъ пять-шесть ярмарокъ, а потомъ съ колокольни долой. Кромѣ этого, они въ теченіи полуторыхъ—сотъ лѣтъ не позаботились обезпечить себѣ готовый рынокъ, не говоря уже о новыхъ. Какъ высокія пошлины на заграничное дешевое желѣзо обратились во вредъ нашимъ уральскимъ заводчикамъ, такъ и то запрещеніе огнедѣйствующихъ заведеній на Уралѣ, которое затормозило развитіе фабричнаго дѣла и кустарныхъ промысловъ,—фабриканты и кустари на мѣстѣ взяли бы добрую половину всего желѣза, которое теперь заводчики должны везти на ярмарку въ Нижній. Недалеко уже то время, когда заводскіе округа, за неоплатные долги казнѣ и частнымъ лицамъ, перейдутъ въ другія руки, и мы желали бы, чтобы они вернулись въ казну. Казна всеильна, она не имѣетъ ни интересовъ, ни цѣлей притѣснять рабочихъ относительно земельныхъ надѣловъ, заработной платы и другихъ прижимокъ, а въ ея распоряженіи новыя формы и способы эксплуатаціи горнозаводскихъ дачъ. Въ Швеціи существуетъ кустарная форма доменнаго производства, какъ у насъ на Уралѣ существовали такъ называемыя „ручныя домницы“—казна можетъ сдѣлать широкій опытъ въ этомъ направленіи. Затѣмъ, есть примѣръ примѣненія артельного начала къ заводскому дѣлу, именно, артель въ Нижнетуриинскомъ заводѣ, которая въ семидесятыхъ годахъ перевела за себя все заводское дѣйствіе: кричное и листокатальное производство, приготовленіе ударныхъ трубокъ для артиллерійскихъ снарядовъ и т. д. Дѣла артели пошли отлично, но представленный по начальству уставъ, къ сожалѣнію, не былъ утвержденъ, и все дѣло рухнуло. Мы убѣждены, что къ этой формѣ и перейдетъ казна: заводскія постройки, водяные и паровые двигатели уже есть, а къ нимъ остается только примѣнить живую артельную силу. Тогда будетъ и казнѣ выгодно, и рабочимъ, и потребителямъ. Что казенныя заводы могутъ работать не только по казеннымъ заказамъ, но и на частную потребу, доказательства были представлены въ томъ же горнозаводскомъ отдѣлѣ: Воткинскій казенный заводъ экспонировалъ очень хорошія земледѣльскія орудія, а Ижевскій—прекрасныя охотничьи ружья—последнія, какъ говорятъ специалисты, скоро пойдутъ за границу. Вообще, мы стоимъ за казенное дѣло, не смотря на всѣ его недостатки, потому что отдать наши уральскіе заводы, не только нашу гордость, но и національное богатство, въ руки кучкѣ лѣнтаевъ и ни

къ чему не способныхъ людей—по меньшей мѣрѣ несправедливо.

Научный отдѣлъ представилъ много интереснаго матеріала, но можно было бы ожидать лучшаго. Дѣло въ томъ, что все, что находятъ въ провинціи, обыкновенно увозится въ столицы: научныя коллекціи, рѣдкости, различные предметы быта и т. д. Ученое мародерство особенно развилось въ послѣдніе года, когда экспедиціи распозлались по всѣмъ направленіямъ. И все-то тащить изъ провинціи въ Петербургъ: нашли каменный топоръ—тащи, нашли идола—давай и его сюда, нашли курганную бронзу или серебро—то ужъ само собой тянется къ центру, однимъ словомъ, увозится рѣшительно все, что только можно увезти, и рѣшительно ничего не возвращается. Эту жертву наукѣ провинціи платитъ постоянно, и хоть бы дубликаты возвращали просвѣщенные изслѣдователи на мѣсто нахождения—и этого нѣтъ. На эти мысли навели насъ коллекціи, фигурировавшія въ научномъ отдѣлѣ. Напримѣръ, сколько матеріала было собрано покойнымъ М. П. Малаховымъ—цѣлыя тысячи номеровъ, а на выставку, изъ его коллекцій, географическое Общество прислало одну жалкую витринку. Чердынская древность совѣмъ отсутствовала, а сколько тутъ было одного серебра, которое теперь разсѣяно по разнымъ музеямъ: чаши, женскія украшенія, кубки, монеты, оружіе и т. д. Но, кажется, начинается обратное явленіе, и кое-гдѣ уже образовались мѣстные музеи, какъ въ Керчи, Минусинскѣ, Саратовѣ и др. городахъ. Екатеринбургъ, слѣдовательно, остается воспользоваться уже готовымъ примѣромъ. Укажемъ еще на то, что въ этнографическомъ отдѣленіи почти отсутствовала богатая раскольничья старина, сохранившаяся на Уралѣ и особенно въ Екатеринбургѣ.

Закончимъ наши итоги именно тѣмъ будущимъ промышленнымъ музеемъ, основаніе котораго было одной изъ главныхъ цѣлей выставки. Для музея пожертвовано много всевозможныхъ предметовъ, начиная съ сала, свѣчь, кожи и кончая бумагой, сапогами, даже водкой. Такой промышленный музей въ Екатеринбургѣ необходимъ и послужитъ центромъ, около котораго можетъ пріютиться постоянная кустарная выставка, учебный отдѣлъ и т. д. Другимъ осязаемымъ воспоминаніемъ выставки будетъ рисовальная школа, мысль о которой возникла по почину г. Черкасова, привозившаго академическую выставку.

Д. М.

ОБЛАСТНОЙ ОБЗОРЪ.

Много лѣтъ назадъ начался разговоръ о провинціи и провинціальномъ возрожденіи; взгляды журналистовъ раздѣлились,—выдвинулись областники и централисты. Къ числу горячихъ защитниковъ провинціи и провинціального возрожденія принадлежалъ А. С. Гацискій, секретарь нижегородскаго статистическаго комитета, сотрудникъ „Камско-Волжской Газеты“; къ столичнымъ писателямъ, желавшимъ охладить увлеченіе областниковъ и выдвинуть имъ на видъ теорію централизаціи, принадлежалъ Д. Л. Мордовцевъ. Когда Д. Л. Мордовцевъ написалъ свои очерки провинціальной печати, А. С. Гацискій выдалъ въ отвѣтъ полемическую брошюру: „Смерть провинціи или нѣтъ“. Борьба областниковъ съ централистами-литераторами тогда рѣзко разграничила писателей.

Но вотъ прошло нѣсколько лѣтъ, провинціальная жизнь измѣнилась, областники продолжили свою работу на пользу возрожденія провинціи, А. С. Гацискій неустанно работалъ по этнографіи и изученію Поволжья; мы имѣемъ за послѣднее время 2 труда его: „Нижегородскій Сборникъ“ и „Замѣчательныхъ людей Поволжья“. Это неустанное труженичество и вѣрность своей идеѣ сдѣлали свое дѣло. Приводимъ замѣчательную рецензію бывшаго противника А. С. Гацискаго, рецензію, дѣлающую честь благородному характеру Д. Л. Мордовцева, который откровенно сознается въ нѣкоторой односторонности своихъ статей. Статья его носитъ внушительное заглавіе:

Жизнь, жизнь провинціи!

„Въ 1876 г. одинъ изъ извѣстнѣйшихъ дѣятелей нижегородскаго края и несмѣняемый (да и незамѣнимый) секретарь нижегородскаго статистическаго комитета, почтеннѣйшій А. С. Гацискій, прислалъ мнѣ открытое печатное письмо, въ видѣ маленькой, изящно изданной брошюры, подъ заглавіемъ: „Смерть провинціи или нѣтъ?“. Открытыя письма Д. Л. Мордовцеву. Нижній-Новгородъ. 1876“. Въ томъ-же или 1877 г. въ Вѣнѣ былъ международный статистическій конгрессъ, на которомъ присутствовали делегаты-статистики отъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, представившіе въ бюро конгресса всѣ свои ученые статистическія работы. Между кипами всевозможныхъ специальныхъ изданій на всѣхъ европейскихъ языкахъ иностранные делегаты не могли не замѣтить одной миниатюрной, чистенькой книжицы съ непонятнымъ для нихъ заглавіемъ. Делегаты отъ русскихъ статистическихъ учреждений тотчасъ же удовлетворили любопытство европейскихъ ученыхъ, объяснивъ имъ, что заинтересовавшая ихъ брошюра значитъ: „Смерть провинціи или нѣтъ?“. И при этомъ объяснили, при какихъ обстоятельствахъ въ Россіи могъ возникнуть въ умахъ ея ученыхъ подобный страшный вопросъ.

Къ стыду пишущаго это, страшный вопросъ возникъ по его-же винѣ. Пишущій сіе имѣлъ неосторожность въ напечатанныхъ имъ около этого времени въ покойномъ „Дѣлѣ“ статьяхъ—„Печать въ провинціи“—принципіально затронуть вопросъ о прогрессивномъ заѣданіи большими городами провинцій—о безпощадномъ высасываніи ихъ экономическихъ и умственныхъ соковъ, въ томъ числѣ, конечно, и лучшихъ силъ провинціальной печати. Вслѣдствіе этого, нѣкоторые провинціальные писатели, очень почтенные и даровитые, ошибочно истолковавъ мое мнѣніе—будто бы столицы, высосавъ въ сѣ лучшія литературныя силы провинцій, оставили послѣднимъ однѣ лишь посредственности, и отнеся, совершенно напрасно, эту обидную посредственность къ себѣ, — жестоко ополчились противъ меня въ „Провинціальномъ литературномъ сборникѣ“, носившемъ заглавіе—„Первый шагъ“ (Казань, 1876.—Второй шагъ такъ и не былъ сдѣланъ по томъ),—и нанесли мнѣ не мало чувствительныхъ ударовъ. Я, конечно, защищался, хотя, можетъ быть, слабо: вѣдь, и голубь защищается, когда на него налетаетъ коршунъ. Тогда, чтобы нанести мнѣ окончательное пораженіе, выступилъ противъ меня, словно „Ермакъ“ противъ несчастнаго „Мегмета-Кула“, почтеннѣйшій А. С. Гацискій съ своимъ страшнымъ вопросомъ: „Смерть провинціи или нѣтъ?“ — и выступилъ во всеоружіи знанія провинціальной жизни, ея духа и внутреннихъ силъ, во всеоружіи, наконецъ, своей обширной начитанности, остроумія и личныхъ, безспорныхъ заслугъ передъ провинціальной и столичной печатью. Понятно, что я сдался на капитуляцію. Я закричалъ, махая листомъ неисписанной бумаги вмѣсто блага парламентарскаго флага: „Жизнь, жизнь провинціи!“.

Но великодушный побѣдитель не оставлялъ въ покоѣ поверженную имъ во прахъ жертву: не даромъ онъ тогда пророчески изрекъ слова Шекспира изъ „Макбета“—какъ-бы-де „Вирнамскій лѣсъ“ (это провинція и ея печать) „не двинулся на Дунсипанскій замокъ!“ (это—столица!). Онъ не переставалъ напоминать о себѣ присылкою своей побѣжденной жертвѣ то прекрасныхъ и богатыхъ по содержанию „Нижегородскихъ сборниковъ“, то „Нижегородскаго театра“, то „Нижегородки“, то „Школьнаго дѣла“, то, наконецъ, „Нижегородскаго лѣтописца“ (изд. 1886 г.). Это все, конечно, дѣлалось изъ мести мнѣ, въ назиданіе, что провинція живетъ и дѣйствуетъ,—и эта великодушная месть заставляла только радоваться мое, нѣкогда провинціальное, а теперь остолчившееся сердце.

Къ довершенію всего, теперь неумолимый Александръ Семеновичъ, повидимому, заключилъ тайный союзъ съ почтеннѣйшимъ и достоуважаемымъ моимъ коллегой по „Новостямъ“, со „скиномъ“, какъ онъ самъ себя называетъ,—съ

г-мъ Коломенскимъ Кандидомъ, точно въ извѣстномъ романѣ:

„Тайно жестокой союзъ заключили,
И надъ безумцемъ смѣются они!“.

Дѣло въ томъ, что никто изъ рожденныхъ женщиною и доселѣ писавшихъ такъ рѣшительно не провозглашалъ: „Смерть столицамъ и жизнь провинціи!“, какъ безжалостный Коломенскій Кандидъ.

Кого не поразили его „Итоги заграничныхъ впечатлѣній“, въ послѣднемъ воскресномъ „Вчера и сегодня“ („Новости“, № 279)? „Обозрѣніе европейскихъ столицъ и, въ особенности, Парижа,—говоритъ онъ,—привело меня, въ концѣ концовъ, къ рѣшительному и—признаюсь—совершенно скинскому заключенію“.

Вотъ оно — это скинское слово: „Я безстрашно утвердился въ той мысли, что для спасенія человечества, для торжества его гигиены, какъ физиологической, такъ социальной и нравственной, большіе города рано или поздно будутъ брошены и разрушены, за изытіемъ, разумѣется, сооружений и памятниковъ, достойныхъ сохраненія“.

Далѣе: „Они должны быть брошены и разрушены прежде всего за минованіемъ вредоносной надобности жить людямъ, давя другъ друга, миллионными кучами въ нестерпимыхъ условіяхъ тѣсноты и духоты, изъ какихъ состоитъ вся нынѣшняя европейская городская обстановка для огромнаго большинства обывателей“.

Затѣмъ, г. Коломенскій Кандидъ говоритъ, какія причины вызвали въ государствахъ необходимость скучиваться большими центрами: это—время и разстояніе, столь дорогія для человѣка. Теперь желѣзныя дороги, телеграфъ, телефонъ, электричество и проч.—сократили и то, и другое для удобства человѣка. А скоро, вѣроятно, аэростаты и совсѣмъ уничтожатъ разстоянія, и „петербургскіе ростаквѣры“ „будутъ летать въ Парижъ на аэростатахъ смотрѣть новую оперетку и въ тотъ-же вечеръ возвращаться къ себѣ домой, на Невскій проспектъ“; что тогда будетъ „близко ко всему“ и что тогда „жить въ городѣ если и останется, то развѣ только въ качествѣ дурной привычки“.

Вотъ она гдѣ—„смерть столицамъ и жизнь провинціи“. Но, къ сожалѣнію, мы еще живемъ пока въ столицѣ не вслѣдствіе „дурной привычки“, а по грустной необходимости. Мы потому бѣжимъ изъ провинціи въ столицу, чтобы опять не превратиться въ нашихъ провинціальныхъ палестинахъ, если не въ „современниковъ“, по малой мѣрѣ, меровингамъ“, какъ выражается почтеннѣйшій г. Кандидъ о „современномъ“ намъ, а не меровингамъ, настоящемъ французскомъ „провинціалѣ“, то, по малой мѣрѣ, въ современниковъ Вассіана Рыла или знаменитаго богослова Кирика съ его „Вопросами“.

И вотъ, прочитавъ приговоръ (хотя вполнѣ справедливый, но слишкомъ опередившій XIX вѣкъ) — приговоръ, который самъ судія называетъ „скинскимъ“, почтенный А. С. Гацискій сегодня поразилъ меня, окончательно побѣжденнаго и имъ самимъ, и г. Кандидомъ, новыми скорпіонами—присылкою мнѣ VII тома „Нижегородскаго сборника“ и I-й книжки „Людей нижегородскаго Поволжья“, какъ-бы эхидно спрашивая меня: что—„Смерть провинціи или нѣтъ?“

Нѣтъ, нѣтъ и сто кратъ нѣтъ! Жизнь, жизнь провинціи! и—pereant большимъ городамъ.

Въ заключеніе скажу, что оба послѣднія изданія г. Гацискаго такъ-же, какъ и прежнія, представляютъ богатый вкладъ въ литературу, вообще, не только провинціальную. „Сборникъ“ наполненъ почти исключительно статьями гг. Маракіна (Ф. И.) и Звѣздина (И. И.), а также гг. Ягодина (И. П.) и Языкова (А. Э.).

„Люди нижегородскаго Поволжья“—это второй, кажется, опытъ (первый сдѣланъ г. Хованскимъ въ 1884 г. относительно саратовскаго Поволжья)—опытъ біографическаго словаря полезныхъ дѣятелей, извѣстныхъ въ литературѣ, наукѣ и т. п., своимъ рожденіемъ, а иногда и дѣятельностью связанныхъ съ данною мѣстностью, съ данною провинціею.

Желаемъ возможно болѣе такихъ опытовъ и полной жизни провинціи!“

Отвѣтъ этотъ рѣшительнымъ образомъ оканчивается споръ съ областниками и еще разъ показываетъ, что идея провинціального и областного самосознанія, идея возрожденія провинціи—слишкомъ живучая, историческая идея нашей жизни, которую невозможно болѣе отрицать и не признавать.

Всякое неосторожное слово и высокомерный взглядъ на провинцію ведетъ къ недоразумѣнію, которое должно окончиться сознаниемъ и признаніемъ вины тѣхъ, кто пробуетъ падавать на провинцію. Такъ и случилось недавно съ другимъ авторомъ, весьма почтеннымъ, который, желая указать слабыя стороны провинціальной печати, впалъ въ ошибку, былъ неповятъ и принужденъ былъ дать отвѣтъ, въ которомъ старается доказать, что онъ также сторонникъ провинціальной идеи и другъ провинціальной печати.

Промахи эти и недоразумѣнія будутъ, по нашему, повторяться до тѣхъ поръ, пока столичные журналисты и печать не перестанутъ озирать провинціальную жизнь à vol d'oiseau и въ монокль Невского проспекта. Провинціальная жизнь, какъ и народная, требуетъ внимательнаго и детальнаго изученія, а провинціальная печать настолько созрѣла, что пора оставить отгнать ее ироническимъ словомъ „провинціальная“. Дѣло развитія нашихъ провинцій и ихъ духовнаго подъема настолько дѣло серьезное, что, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ къ нему относиться легко и шуточно. До сихъ поръ, къ сожалѣнію, областямъ, какъ и нашему крайнему патриотизму, присваиваются чувства и мечтанья, которыхъ они не имѣютъ. То, чѣмъ позволительно шутить столичному фельетонисту, въ устахъ провинціи покажется непростительнымъ криминаломъ. Къ этому относятся, напр., нѣкоторые афоризмы, которые попали въ новое письмо прежняго противника, а теперь друга провинціи. Пока говоримъ откровенно, наша провинція и области не думаютъ выступать противъ столицъ и центровъ, которые, вѣроятно, долго будутъ пользоваться своими правами. Дѣло идетъ о тѣхъ общечеловѣческихъ и гражданскихъ правахъ, которыми должна пользоваться провинція, о тѣхъ благахъ цивилизаціи и духовной жизни, которыя не должны составлять привилегіи. Наконецъ, дѣло идетъ о правѣ народной жизни развиваться на исконно народныхъ областныхъ началахъ, которыя свойственны нашей исторіи. Словомъ дѣло въ просторѣ, воздухѣ и свѣтѣ, что выразилъ подъ формулою „жизнь, жизнь провинціи“ маститый публицистъ, бывший антагонистъ провинціаловъ, возвратившійся на материнское лоно провинціи.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕССЪ.

24-го октября 1887 года въ С.-Петербургской судебной палатѣ слушалось дѣло о редакторѣ-издателѣ „Восточнаго Обозрѣнія“, привлеченнаго по обвиненію его бывшимъ управляющимъ государственными имуществами, лѣсничимъ Павловскимъ.

Послѣ судебного разбирательства и защиты, которую велъ самъ редакторъ-издатель, ему былъ вынесенъ оправдательный приговоръ. Печатаемъ по этому дѣлу документы и ходъ слѣдствія.

Жалоба лѣсничаго Павловскаго:

„Его Превосходительству г. Прокурору С.-Петербургской Судебной Палаты.

„Въ № 47 газеты „Восточнаго Обозрѣнія“, издаваемой въ С.-Петербургѣ редакторомъ Ядринцевымъ, помѣщена корреспонденція изъ Тобольской губерніи, никѣмъ не подписанная, подъ заглавіемъ „Трагическое положеніе переселенцевъ“, въ которой авторъ старается унижить мою служебную дѣятельность съ цѣлью повредить мнѣ предъ начальствомъ по службѣ и уронить предъ общественнымъ мнѣніемъ, именно: послѣ изложенія въ корреспонденціи критическаго положенія прибывающихъ изъ европейской Россіи въ Сибирь переселенцевъ, авторъ изложенной корреспонденціи выражается доподлинно такъ: „Все эти недоразумѣнія, какъ передаютъ, отъ того, что въ одномъ мѣстѣ управлять дѣлами переселенцевъ, вмѣсто дѣльнаго и гуманнаго человѣка, засѣлъ калифъ—на часъ, не имѣющій понятія о сибирскомъ

переселеніи и о задачахъ колонизаціи. Если эта дѣятельность будетъ продолжаться въ такомъ родѣ и, наконецъ, разоблачится со всеми курьезами, то конечно калифъ—на часъ лишится мѣста, но до этого онъ можетъ много насолить населенію. Впрочемъ, у насъ весьма малую роль играетъ компетентность въ дѣлахъ. Иногда не нужно знать жизни мѣстныхъ условій, чтобы показать себя дѣловымъ человекомъ. Къ какимъ фокусамъ прибѣгаютъ нѣкоторые дѣятели, желающіе показать дѣловитость, привожу слѣдующій курьезъ. Бывшему у насъ администратору поручено было изъ С.-Петербурга составить записку „о сѣверномъ краѣ и инородцахъ“. Лицо, обѣщавшее доставить эту записку, умерло, и вотъ замѣститель его пожелалъ отличиться. Но что было нужно написать о краѣ, въ которомъ онъ не былъ и котораго не знаетъ. И вотъ онъ находитъ ловкаго писаку на всѣ руки, который за 40 руб. берется ему написать нѣсколько листовъ, тоже не зная ничего о краѣ и его нуждахъ. И, конечно, ни намѣщикъ, ни наняемый не желали понять, что они совершаютъ крайне недобросовѣстное дѣло, такъ какъ сочиненный вздоръ можетъ быть принятъ за правду. А кто разберетъ въ С.-Петербургѣ эту мистификацію!“

„Въ этой части корреспонденціи заключается явный умыселъ автора повредить мнѣ по службѣ употребленіемъ словъ: „конечно калифъ на часъ лишится мѣста, но до этого онъ можетъ много насолить населенію“—вообще выражается явное желаніе автора нанести мнѣ оскорбленіе и путемъ печати уронить достоинство и компетентность мою, какъ представителя мѣстнаго учрежденія, употребленіемъ въ означенной корреспонденціи выраженія: „вмѣсто дѣльнаго человѣка засѣлъ калифъ—на часъ, не имѣющій понятія о сибирскомъ переселеніи и задачахъ колонизаціи“.

„Далѣе авторъ статьи указываетъ на какія-то будто-бы недобросовѣстныя мои дѣла, усматриваемыя имъ въ томъ, что я, взявшись будто-бы, исполнить порученіе высшей власти, данное предмѣстнику моему, нанялъ постороннее лицо для исполненія этого дѣла, и что, такимъ образомъ, крайне недобросовѣстно выполненное мною, не бывшии на мѣстѣ въ сѣверномъ краѣ, порученіе можетъ быть представлено начальству для введенія его яко-бы въ заблужденіе.

„Въ изображенномъ фактѣ заключается извращеніе авторомъ правды, такъ какъ порученіе составленія означенной записки о сѣверномъ краѣ инородцевъ дано было начальствомъ не моему предмѣстнику, а мнѣ лично, слѣдовательно и добросовѣстно выполненія такого порученія должна лежать на моей личной официальной отвѣтственности, и обстоятельство это нисколько не должно беспокоить автора, такъ какъ помѣщенные мною въ означенной запискѣ матеріалы взяты изъ официальныхъ архивныхъ источниковъ и научныхъ изслѣдованій и будутъ всесторонне рассмотрѣны и оценены моимъ непосредственнымъ начальствомъ, а потому и указаніе корреспондентомъ о недобросовѣстномъ выполненіи означеннаго порученія я нахожу ложнымъ.

„Между тѣмъ, повидимому, корреспонденція эта, не смотря на свою лживость, послужила поводомъ къ помѣщенію въ томъ же № газеты передовой статьи подъ заглавіемъ: „Управленіе государственными имуществами, и крестьянское дѣло въ Сибири“, написанной въ томъ-же оскорбительномъ и дерзкомъ тонѣ. Въ этой передовой статьѣ, между прочимъ, говорится: „Мы имѣемъ и еще нѣсколько фактовъ, которые показываютъ, что дѣла въ управленія государственными имуществами пошли къ худшему. Особенно обнаружилась некомпетентность и слабость при составленіи инструкціи и программы для командированныхъ отъ министерства чиновниковъ и неумѣніе направить ихъ дѣятельность, такъ что эта мѣра не принесла той пользы, какую могла имѣть“.

„Далѣе-же сказано: „Вмѣсто плодотворнаго и полезнаго дѣла, которое могло выпасть на управленіе государственными имуществами въ Сибири, а именно: отводъ земель и водвореніе переселенцевъ, вмѣсто этого дѣла, обширнаго и требующаго особыхъ работъ, мѣстное управленіе вздумало хлопотать объ особомъ межевомъ отрядѣ для вымежеванія оброчныхъ статей. Мысль далеко неудачная. Оброчныя статьи, какъ мы говоримъ, не имѣютъ особаго значенія въ Сибири, и вымежеваніе новыхъ, при особой затратѣ на межеваніе, не только не принесетъ новыхъ доходовъ, но введетъ ее только въ новые убытки и затраты. Свободныя оброчныя статьи даже въ европейской Россіи, въ восточныхъ губерніяхъ, предполагались въ запасъ для переселенцевъ,—еще естественнѣе такое назначеніе могло

быть въ Сибири. Такимъ образомъ, и въ этомъ послѣдніе проекты и представленія мѣстнаго учрежденія не отличаются расчетомъ и предусмотрительностью“.

Дѣйствія управленія государственными имуществами, при составленіи инструкціи для командированныхъ отъ министерства чиновниковъ для изслѣдованія быта сельскаго населенія, и предположеніе объ учрежденіи особаго отряда для вымежеванія оброчныхъ статей представлены на разсмотрѣніе министерства государственныхъ имуществъ и не подлежатъ сужденію издателей газетъ и ихъ корреспондентовъ, такъ какъ они опубликованы не были и составляютъ еще тайну канцеляріи правительственнаго учрежденія, поэтому надо полагать, что свѣдѣнія, помѣщенные въ статьяхъ, были незаконнымъ путемъ извлечены изъ дѣлъ канцеляріи, и таковыя свѣдѣнія въ видѣ статей газетою „Восточное Обозрѣніе“ въ извращенномъ видѣ направлены къ оскорбленію меня и управляющаго государственными имуществами. Поэтому очевидно, что всѣ укоризны газетъ „Восточное Обозрѣніе“ дѣлаются только для того, чтобы занятнать мою компетентность въ дѣлѣ завѣдыванья мною учрежденіемъ и выставить меня въ глазахъ начальства недостойнымъ управлять онымъ.

„Признавая въ приводимыхъ авторомъ корреспонденціи изъ Тобольской губерніи и передовую статью 47 № „Восточное Обозрѣніе“, фактахъ явную оскорбительную для достоинства представителя учрежденія клевету, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство привлечь къ судебной отвѣтственности редактора-издателя газетъ „Восточное Обозрѣніе“ Н. М. Ядринцева и автора корреспонденціи изъ Тобольской губерніи, если онъ будетъ открытъ передъ судомъ издателемъ газетъ, за помѣщеніе въ издаваемой господиномъ Ядринцевымъ газетѣ оскорбительной для меня передовой статьи и корреспонденціи, на основаніи 1039 и 1040 ст. ул. При

семь прилагается 47 № газетъ „Восточное Обозрѣніе“. Статскій совѣтникъ Н.

Протоколъ. Марта 7-го дня исправляющей должность судебного слѣдователя г. С.-Петербурга Веберъ въ камерѣ своей допрашивалъ въ качествѣ обвиняемаго въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1039 и 1040 ст. ул. нижепоименованнаго и онъ показалъ:

„Зовутъ меня Николаемъ Михайловичемъ Ядринцевымъ, 45 лѣтъ, православный, не судился, женатъ, имѣю 3 дѣтей, недвижимости нѣтъ, живу по Кавалергардской ул. д. № 20 кв. 3, издатель-редакторъ газетъ „Восточное Обозрѣніе“. Я не признаю себя виновнымъ въ томъ, чтобы въ № 47 издаваемой мною газетъ, „Восточное Обозрѣніе“, за прошлый 1886 г. въ передовой статьѣ: „Управленіе государственныхъ имуществъ и крестьянское дѣло въ Сибири“, и въ корреспонденціи изъ Тобольской губерніи въ томъ же номерѣ употребилъ какія-либо выраженія или оскорбительные отзвымы о должностномъ лицѣ, заключающіе злословіе или брань, а также въ томъ, что я огласилъ въ печати обстоятельства, могущія повредить чести, достоинству или доброму имени должностнаго лица. Исправляющаго должность управляющаго государственными имуществами въ Западной Сибири—Павловскаго я не знаю и никогда не видѣлъ. Какъ передовая статья въ № 47, „Восточнаго Обозрѣнія“ такъ и корреспонденціи изъ Тобольска написаны мною. Послѣдняя статья составлена изъ разныхъ писемъ, полученныхъ изъ Тобольской губерніи и касается только переселенческаго вопроса, а не управляющаго государственными имуществами. Болѣе я своего показанія ничѣмъ дополнить не желаю. Н. М. Ядринцевъ. Съ подлиннымъ вѣрно копія выдана отъ судебного слѣдователя Ядринцеву на основаніи 475 ст. уст. суд.“.

ЧЕРТОЛОМОВСКІЯ ГОРЫ.

(БЫТОВОЙ ОЧЕРКЪ).

I.

На окраинѣ одного сибирскаго города, по рѣчкѣ Омутовкѣ, разсыпалась слободка, носившая звучное имя—Чертоломье. Это своеобразный мірокъ, съ оригинальною обстановкой, кипящій оригинальною трущобною жизнью. Крутой краснобурый берегъ Омутовки, сажень въ тридцать—сорокъ высоты, изрѣзанный разсѣлинами, оврагами, приоткрылъ нѣсколько десятковъ жалкихъ лачужекъ, называемыхъ туземными насмѣшниками „дворцами“.

Чертоломовскіе дворцы одной стѣной пристраивались къ боку крутаго берега, а другой задорно посматривали на высокое солнце или на городъ, лежащій внизу, на противоположной сторонѣ Омутовки. Каждая такая хибарка имѣла одно или, какъ роскошь, два подслѣповатыхъ окошка, шириною съ ладонь, да и то до половины заплатанныхъ бумагой или тряпичей. Крышь не полагалось, а прямо на рѣшетчатый потолокъ набрасывалась земля. На такихъ плодородныхъ крышахъ топорились— бурьянъ и всякая непотребная трава. Въ травѣ, какъ въ лѣсу, едва вытѣзалъ печной горшокъ съ пробитымъ дномъ: это чертоломовская труба.

Внутренность хибарокъ вполне отвѣчала наружности.

Входная дверь висѣла на крюкахъ, украденныхъ съ какой-нибудь барки; она вся избоченилась и скрипѣла ничуть не хуже моднаго швейцара въ аристократическомъ домѣ. Въ углу стояла русская печь, выложенная самымъ хозяиномъ, мастеромъ на всѣ руки. Въѣсто стола была вколочена однимъ краемъ въ глинистую стѣну широкая доска, а другой край ея покоился на двухъ полѣньяхъ, врытыхъ въ земляной полъ. Деревянный обрубокъ служилъ стуломъ. Въ правомъ углу чернѣла божница—съ двумя-тремя образами. Кругомъ образы у набожныхъ чертоломовцевъ или литографія: воинъ Давидъ и смерть съ косою, изображеніе какого-то святаго, невѣдомаго русскому міру, съ польскою подписью.

У кокетливой хозяйки, бабенки, кромѣ всего этого—прикрѣплялось на стѣнкѣ зеркальце, въ которое можно было высмотрѣть одинъ глазъ или кончикъ носа, выигранное въ счастливую минуту на кофѣчной лотереѣ. За зеркальдомъ торчалъ пучекъ богородской травы и нѣчто, похожее и на гребенку, и на заброшенную борону. Во всѣ стороны отъ зеркальца весьма затѣйливо налѣплялись картинки съ конфетъ, билетки съ мудреными загадками, вопросами, стихами. Такъ на одномъ изъ такихъ билетиковъ можно прочитать:

Не смейся, злой мучитель,
Не смейся надомной!
Господь тѣбя, на кажѣтъ
Нѣщасною судьбой.

На другомъ красовался даже Пушкинъ, но слѣсныя ножницы конфето-дѣлателя разрѣзали такъ стихи, что выходило:

И хладную душу терзаетъ нѣчьаль,
Когда легковѣривъ и молодъ я былъ.

Въ стихахъ, какъ видитъ читатель, соблюдалась такая бѣдовая орфографія, что Я. Гротъ, увидавъ стихи, оцѣпенѣлъ бы отъ ужаса и поскорѣе издалъ бы новое русское правописаніе.

Таковы эти чертоломовскіе дворцы. Отъ каждаго дворца крутится тропинка, которая сталкивается съ другою, переплетается, захватываетъ третью, четвертую и въ видѣ торной дорожки добѣгаетъ до Омутовки. По этимъ тропинкамъ легко взбирается какая-нибудь курносая дѣва горь съ коромысломъ на плечѣ и пѣсенкой на языкѣ.

Въ жаркіе лѣтніе дни чертоломовцы живутъ себѣ, посмѣиваясь въ свои кудлатыя бороды: „воздухъ чистъ и свѣжъ, солнце ярко, небо сине“. Они рано ложатся, рано встаютъ и свысока смотрятъ на спящій городъ. Ихъ первыхъ освѣщаетъ и обогрѣваетъ солнце. Они умываются изъ глиняныхъ кувшиновъ, висащихъ снаружи, около двери, на мочальной веревкѣ,

утираются грязной тряпичей, молятся на блистающій вдали церковный крестъ. Похлебавши кваску съ накрошеннымъ хлѣбомъ, чертоломовцы отпраивляются на повседневные заработки.

Въ темные осенніе вечера обитатели горъ нѣсколько ежатся отъ страха за свою бѣдную шкуру: малѣйшая неосторожность—и чертоломовецъ переселяется въ тотъ міръ, гдѣ „нѣсть печали и въздыханій“.

Зимою чертоломье тоже не горюетъ. Красавица Омутовка крѣпко скована льдомъ. Кой-гдѣ пробиты отдушины, и сквозь нихъ мелькаетъ лукавая рѣчка. Въ сильные морозы надъ этими пробоинами виситъ густой паръ, точно защищаетъ нагое тѣло красавицы отъ трескучаго воевода мороза. Дорожки отъ избышекъ обледенѣли—и вотъ, толпа мальчишекъ и дѣвченокъ летаетъ на самодѣльныхъ салазкахъ со своихъ родимыхъ горъ.

— У-у! гукаютъ ребятишки, и румянятся ихъ щеки, а глаза горятъ, какъ тѣ блески, что на снѣгу.

Отъ сильныхъ вьюгъ и мятелей, всѣ лачуги попрятались подъ снѣгъ.

— Ахти хорошо!—говорятъ хозяева:—тепленько подъ снѣгомъ-то!

Подъ свистъ бури засыпаютъ чертоломовскіе праведники на своихъ нарахъ подъ своими ободранными рубищами. И видятъ, быть можетъ, обездоленные люди всякія хорошія вещи во снѣ: видятъ „тотъ край, гдѣ померанцы зрѣютъ“; видятъ сосѣдній кабакъ съ громомъ косушекъ и шкаликовъ; видятъ теплыя палаты, а рядомъ сдобную бабу съ такой красной рожей, какъ будто это баба цѣлый вѣкъ ѣла пироги съ начинкой и хлебала жирныя щи.

Здѣсь, въ этомъ развеселомъ углу живетъ поживаетъ „чертоломовщина“, „босоногая команда“, „голытьба“, всякій, кто не поладилъ съ жизнію, всталъ къ ней ежомъ, на дыбы: всѣхъ ихъ вскинуло на самую крутъ чертоломовскихъ горъ. Каждый копалъ себѣ нору, а потомъ, раздобывшись колымаги, хворостомъ, барочными досками, выводитъ стѣну и крышу, и изба готова. Оставалось вывести печь, приладить столъ, обзавестись другими удобствами—но это было дѣло счастливаго случая.

Здѣсь ютился безпаспортный бродяга, давнымъ-давно улинувшій изъ каменной клѣтки; солдатъ-калѣка съ трясущейся головою, красно-сизымъ носомъ и костьюлемъ; неудачникъ-ремесленникъ, знающій всѣ мастерства и умѣющій все дѣлать пресквернѣйшимъ образомъ, первостатейный пьяница и воръ, для котораго завѣтное правило: „не клади плохо, не вводи вора въ грѣхъ“; разныя заливчатскія бабули съ необычными украшеніями на „физіяхъ“—слѣды кутежей съ господами-кавалерами; кабацкіе „аблокаты-ябедники“, что за пятакъ и кошушку настрочатъ такую бумагу, напицаютъ ее такими слезными воплями, что свѣжій человекъ одурѣетъ, разведетъ руками и пропуститъ: „экъ разливается, протоанафемскій сынъ!“ Тутъ жили всякія благородныя особы, выгнанныя съ мѣста „по жестокосердію“ начальства, по „проискамъ“ врага, мстящаго, Богъ вѣсть, за что.

Немудрено, что при такой пестротѣ населенія, его разнообразнаго запятія, сюда, въ эти горы, заглядывала иногда полиція, медлительная сибирская полиція. Обыкновенно по гребню горы везли пожарную бочку съ водой. Полиція оцѣпляла какой-нибудь подозрительный взросій въ землю притонъ и просила „честью“ выйти изъ подземелья.

— Эй, кто тамъ? выходи, черти!—кричала полиція.

— А на кой лядъ мы выйдемъ?—слышалось въ отвѣтъ.

— Да выходи, говорятъ вамъ, антихристово сѣмя!

— Самъ выходи, а намъ и здѣсь ладно.

— Мотри, машину пустимъ!

— Каку таку?

— А вотъ и „каку таку...“ Пущай, дядя Петро, чего тамъ глядѣть на этихъ колодниковъ.

И широкая струя воды врывается въ подвалъ.

— Ой, дьяволы, что вы тамъ дѣлаете! Постой, погоди, дай собраться!—крича выползали, подобно сусликамъ, атакуемые потономъ обитатели норъ.

Вылзало лохматое безпардонное общество, съ тупо смотрящими лицами.

— Всѣ ли вы тутъ, шелудивые?

— А ты не ругайся.

— Что жъ вы не шли, коли васъ честью начальство просило?

— Велико начальство! сеledка да крякъ—эко, подумаешь, начальство выискалось!

Весь этотъ сбродъ, угрюмый, какъ осенняя ночь, обозленный, истрепавшійся до-нельзя, терпѣлъ голодъ и холодъ, терпѣлъ нужду, проклиная себя, свою жизнь, свою долю. Дѣйствительно, въ этихъ чертоломовскихъ дворцахъ властно царилла нужда. Она покоилась тутъ во всемъ ужасномъ величій на своемъ незаблемомъ престолѣ, сложенномъ на непрестанныхъ, нищенски оплачиваемыхъ трудахъ, на тяжелой бессонницѣ, на заливному пьянствѣ, на захудалыхъ членахъ, связавшихъ чрезъ нищенскія прорѣхи нищенскихъ рубищъ. Она воеетъ въ зимніе вечера за дырявымъ окномъ, она слышится въ судорогахъ некормленнаго желудка. При глухомъ, страшномъ голосѣ лиходѣйки-нужды все населеніе горъ трепещетъ отъ ужаса. Да, страшна эта царица-нужда!

II.

Только что на востокѣ загорится заря, вспыхнуть и нальются багрецомъ волокнистыя облака, рѣка окрасится въ пурпуръ, отъ деревъ и зданій побѣгутъ широкія тѣни, и въ свѣжемъ воздухѣ пронесется шопотъ дня—какъ чертоломье начинаетъ пробуждаться и отряхиваться отъ своего сна, исполненнаго безпокойныхъ грезъ и недостижимыхъ желаній.

Первая вылзаетъ изъ своей норы малѣйшая тетушка Марья, старуха лѣтъ 70, ссыльная изъ дворовыхъ, тараторка и сплетница, какъ иная губернская дама, побирушка, воровка и любительница заглянуть на дно съ доброю выпивкой. Тетушка Марья знаетъ все и всѣхъ, и ее знаютъ всѣ. Она глянула туда и сюда, суетливо поправила котомку и дробными шажками заюлила въ городъ побираться у сердобольныхъ купчихъ и разносить имъ свѣжія новости, собранныя тетушкой наканунѣ. За нею, вздыхая и охая, заковыляли старики и старухи съ грязными кошелками за плечомъ.

— Прири дверь-то, Матрена!—говоритъ какой-нибудь дѣдушка: не ровень часъ, войдетъ кто.

— Ладно! отвѣчаетъ Матрена: кому взойти на пустое-то мѣсто?

За стариками и старухами воробьями полетѣли мальчишки и дѣвчонки.

А вслѣдъ за ними двинулись сами—мужи совѣта и разума.

Начинается чертоломовскій рабочій день.

Алчущая и жаждущая голытьба наполняетъ городскія улицы, площади, всякія торговыя мѣста, харчевни, кабаки, всякіе подозрительные трактиры, гдѣ снуетъ и копошится пріѣзжій голодный людъ, вытаскиваетъ изъ кошны полтины и рублевки, опрокидываетъ для „сугрѣва“ стаканчикъ излюбленнаго дурману. Чертоломовцы, какъ ястреба, устремляютъ алчныя глаза свои на рублевки заѣзжаго охмѣлевшаго крестьянина, христарадничаютъ, божатся, ругаются, кумятся, милуются и обворовываютъ опалѣвшаго ротозѣя.

Повсюду жизнь, повсюду кипитъ чертоломовская работа.

Подъ окнами и на порогахъ домовъ раздаются дребезжащія речитативы нищихъ: то чертоломовскіе старики и старухи „ради Христа, поминаючи родителей вашихъ“, просятъ „кусокъ“ у добрыхъ дателей. На перекресткахъ улицъ оборванная дѣтва осаждаетъ каждого прохожаго тою же грустною мольбою: „милостинку, ради Христа“. Они пристають, ноютъ, хватаютъ за полы, пока не получаютъ или копѣйки, или подзатыльника.

Нѣкоторые изъ этихъ маленькихъ промышленниковъ налетаютъ на базаръ и ловко, съ искусствомъ записныхъ знатоковъ, „бондятъ“, „тибрятъ“, „ляпаютъ“ съ мужицкихъ возовъ всякую овощь: и огурцы, и картофель, и рѣпу, и лукъ, и кочни капусты.

По пристанямъ и баркамъ, вмѣстѣ съ другими, увиваются и чертоломовцы. Они нагружаютъ суда дровами, переносятъ кладъ, служатъ на побѣгущкахъ, исполняютъ всевозможныя

порученія. Особенно охотно предлагают они свои услуги прибѣгающимъ или отвѣжающимъ.

— Не прикажете ли донести? медовымъ голосомъ ластится чертоломовецъ къ запыхавшемуся купцу, который топчется на пароходъ съ узлами и ящиками.

— Уфъ! потащи, братецъ, потащи!

Веселый и радостный промышленникъ нагружается купеческой поклажей и, при случаѣ, окулки на руки не положить.

Ради такой многообразной дѣятельности, господа чертоломовцы украшаются зачастую знаками отличія: то фиолетовымъ фонаремъ подъ глазами, то необыкновенно сердитой губой, то грушеобразно вздутымъ носомъ. Но философы-стоики не унываютъ.

— Нужда научить калачики ѣсть! приговариваютъ они, потирая вздутый носъ или разсердившуюся губу.

Всѣ эти занятія выпадаютъ на долю простаго чертоломовца. Чертоломовскія же особы высшаго ранга соблюдаютъ свою важность и достоинство, и такая черная работа, какъ переноска тяжестей, разныя послуги, имъ вовсе не нравятся.

Вотъ, по одной изъ главныхъ улицъ города шествуетъ благородная душа съ опухшей рожей. На головѣ воздвигнута форменная засаленная шапка, а тѣло облечено въ коричневый „отдолгушникъ“ и въ отрепанныя панталоны неопредѣленного цвѣта. На ногахъ опорыши.

— Позвольте побезпокоить... вкрадчиво, какъ лисица, начинается онъ, прозрѣвая въ встрѣчномъ доброе сердце. Онъ умильно заглядываетъ въ глаза, протираетъ длани, какъ бы удерживая свою жертву, и тихо говоритъ:

— Я, знаете, Бѣлокрылинъ... братъ Ивана Кузьмича, интендантскаго казначея...

— Что же вамъ угодно?

— Взгляните на меня: и сирѣ, и убогъ, и въ рубищѣ обрѣтаюсь, а братъ въ высокихъ хоромахъ живетъ, шелковые архалуки носитъ, ѣсть на серебрянъ...

— Хорошо, хорошо-съ... что же вамъ нужно? денегъ надо?

— Отецъ-благодѣтель! заставьте за себя вѣчно Бога молить! со вчерашняго утра маковой росинки во рту не было... Получивъ дачку, Бѣлокрылинъ удаляется степенною поступью.

А тамъ, дальше, плыветъ новое лицо. На немъ солдатская сермяга. Рожа запущена „подъ овсы“. Глаза сѣрые, круглые, хищническіе. Осанка военная.

— Офицеръ-съ. За превышеніе власти уволенъ безъ суда и слѣдствія. Такова воля Провидѣнія. Я покорился... но (ударя себя въ грудь) слезами орошаю ложе мое! Семеро челоуѣкъ дѣтей-съ...

— Что же вамъ нужно?

— Отецъ-командиръ! наслышавшись о добрыхъ качествахъ сердца вашего, прибѣгаю, какъ благородный къ благородному: удѣлите мнѣ отъ щедротъ вашихъ... а вотъ и бумага.

— Какая бумага?

— Бумага о моемъ дворянскомъ происхожденіи, о горестной исторіи, слезами оплакиваемой...

— Хорошо, хорошо-съ...

И этотъ, получивъ свое, движется дальше олимпійскою поступью.

Въ самомъ чертоломѣ тоже кипитъ неустанная работа.

Солнце уже играетъ по рѣкѣ, обливая горячимъ свѣтомъ краснобурья горы. Гдѣ-гдѣ брешетъ собака, привязанная къ дверному колу; въ высокой травѣ, на крышахъ, воится семья кошекъ. Изрѣдка пропоетъ пѣтухъ. Ребятишки-ползуны съ самымъ серьезнымъ видомъ копошатся около окошекъ своихъ лачугъ подъ присмотромъ трехлѣтней дѣвченки. Въ лачугахъ отцы семействъ, бѣдные труженики, исполняютъ всякія дѣла: шорничаютъ, ладятъ заплату на башмакъ со сѣдкѣ-щеголихѣ, чинятъ кафтанъ, выковываютъ гвоздь.

По берегу Омутовки сидятъ мѣстами старики и ловятъ длинными удилицами „чебарей“. Тѣмъ-же занимаются и бѣлоголовые внучата—малыши.

Изъ воды, тамъ и сямъ, торчатъ сломанныя колеса, къ которымъ прилажены мостки. На этихъ живыхъ мосткахъ,

чертоломовскія бабуся съ утра до вечера, не разгибая спины, полощутъ и выколачиваютъ городское бѣлье. Высоко взлетаютъ ихъ грязныя вальки,—только брызги сыплются, да стономъ стонетъ чуткая окрестность отъ тяжелыхъ ударовъ вальковъ и звонкихъ перебранокъ бабуся.

— Аспида! кричитъ одна.

— Пучеглазая дура! несетъ ей въ отвѣтъ.

— И чего ты только лаешься, фря этакая, право фря! тѣфу!..

— Ахъ ты, поганка этакая! ишь ты разгузынилась какъ!

— Сама ты поганка, да и мать-то твоя, и бабушка... вотъ что!

Съ обѣихъ сторонъ взвизгиваются такіе жаркіе комплименты, что упаси Боже.

— Хорошень ея, тета, хорошень!— вмѣшивается иной разъ въ этотъ „домашній споръ“ кто-нибудь изъ дѣдокъ.

Но тутъ бабуся мгновенно прекращаютъ свои раздоры и храбро бросаются на незваннаго совѣтника. Поднимается такой градъ эпитетовъ, что бѣдный дѣдко задаетъ отчаяннаго бѣгуна, и даже ни разу не оглянется. А бабуся, прогнавши врага, снова начинаютъ перекидываться перебранкой, сначала тихо, отрывисто, а потомъ все громче, сплошнѣе— и подъ ея раскатами стонутъ окрестныя родимыя горы.

День на исходѣ. Солнце ниже и ниже, какъ ярко вычищенная мѣдь, горитъ оно на горизонтѣ и нехотя, медленно, опускается за роковую черту. Маковки церквей, крыши домовъ и окна играютъ огнями.

Кровавымъ заревомъ вспыхнули горы. Слово духи—гномы, носится по оврагамъ и буеракамъ неугомонные наслѣдники чертоломья. Босыя ноги цѣпляются по глинистымъ отвѣсамъ крутояровъ. Рѣка, погруженная въ полумракъ, закуталась клубящимся туманомъ. Изъ лоцинь, изъ овраговъ выглядываютъ тѣни, и чѣмъ дальше, тѣмъ становятся онѣ мрачнѣе, нелюдимѣе. Кто-то шепчется въ ложбинахъ, кто-то вздыхаетъ, стонетъ и пугаетъ суевѣрныхъ ребятишекъ.

Заря блѣднѣетъ. Послѣдній отблескъ ея скользнулъ по каменистому излому вершины, сорвался и потонулъ въ холоднѣющихъ синеватыхъ сумеркахъ.

Тьма и тишина осторожно, но твердо и неотразимо, поднимается снизу: съ рѣки, съ углублений. Насталъ вечеръ. Въ темно-синемъ небѣ проступили тысячи звѣздъ.

Все тихо. Спитъ рѣка, спятъ ущелья, спятъ чертоломовскія горы, спитъ весь міръ, а надъ опочившимъ міромъ опрокинулся небесный сводъ съ чудною грамотою изъ огненныхъ буквъ. Дивно хорошо кругомъ! Чуть-чуть трепетный вѣтерокъ обдаетъ благоуханіемъ степныхъ травъ...

А большая часть чертоломовскаго люда, измученная, голодная, пьяная, побитая, ситъ, уткнувшись въ свое лохмотье. Только нѣкоторые, закутанные вечерними сумерками, пробираются въ родныя берлоги. Боже, какой разнохарактерный видъ!

Одинъ, веселый какъ масляница, звенитъ пятаками; другой тащитъ что-то подъ мышкой и озирается, подобно собакѣ съ костью; третій—темнѣе ночи, украшенный знаками отличія, возвращается съ пустыми карманами. Плохо придется семьѣ, если она у него есть...

А это что? по неподвижной Омутовкѣ скользитъ темный предметъ... Ба! да это лодка: одинъ изъ удалцевъ-чертоломовцевъ отправляется на ночную „ловлю“.

М. Поспѣловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Изъ Бухареста пишутъ въ „Journal des Débats“, что по всеобщему убѣжденію заговоръ противъ принца Фердинанда былъ устроенъ нарочно его собственными министрами и организованъ софійской полиціей. Болгарское правительство, какъ говорятъ, всту-

пило въ соглашеніе съ румелійскимъ комитетомъ въ Македоніи, который функционируетъ въ Бухарестѣ подъ предсѣдательствомъ бывшаго министра Уреміа, для совмѣстнаго дѣйствія въ Македоніи. Болгары и румыны взаимными усиліями будутъ бороться съ греческимъ элементомъ въ южной Македоніи и сербскимъ—въ сѣверной.

— Графъ Андраши сказалъ, что онъ придаетъ большое значеніе дружественнымъ отношеніямъ къ Россіи, тѣмъ болѣе, что Россія, какъ онъ въ томъ твердо убѣжденъ, также мало имѣетъ интереса воевать, какъ и Австро-Венгрія, кромѣ того, онъ никогда серьезно не думалъ о вѣдательствѣ Россіи въ Болгаріи, или оккупациі ея русскими войсками. Но именно въ интересахъ поддержанія хорошихъ отношеній къ Россіи, онъ желаетъ окончательнаго разрѣшенія болгарскаго вопроса, потому что такія отношенія можно будетъ установить легче, если вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ, нежели въ томъ случаѣ, если австро-венгерское правительство будетъ вынуждено во всякомъ отдѣльномъ его фазисѣ, какъ-то миссія генераловъ Каульбарса или Эррота, противодѣйствовать Россіи. „Если большая часть державъ—сказалъ въ заключеніе ораторъ—придетъ къ соглашенію относительно извѣстныхъ пунктовъ, то панславистская партія въ Россіи лишена будетъ отнынь возможности упрекать русское правительство въ томъ, что сама Европа признаетъ извѣстныя особыя права Россіи относительно Болгаріи, а русское правительство не пользуется вполне этими правами“. Горватъ выразилъ мнѣніе, что улучшеніе отношеній къ Россіи можетъ быть, конечно, средствомъ для сохраненія мира, но въ концѣ концовъ къ этому можно стремиться лишь подъ условіемъ соблюденія австро-венгерскихъ интересовъ, а такъ какъ послѣдніе расходятся съ русскими, то согласованіе ихъ представляется почти невозможнымъ. Графъ Аппони сказалъ, что онъ, какъ сторонникъ мира, можетъ только присоединиться къ желанію министра, чтобы отношенія Австро-Венгрии къ Россіи приняли болѣе дружественный характеръ, но это не должно состояться при отреченіи отъ неоднократно упомянутой программы, въ которой интересы Австро-Венгрии на Востокахъ были правильно опредѣлены. Изъ послѣднихъ дѣйствій министерства иностранныхъ дѣлъ ораторъ почерпнулъ убѣжденіе, что и тамъ къ этому вопросу относятся съ такой точки зрѣнія. Графъ Кальноки заявилъ, что не имѣетъ ничего возразить на запросъ графа Аппони и что поддержаніе дружественныхъ отношеній къ Россіи въ общихъ и обоюдныхъ интересахъ онъ считаетъ тѣмъ болѣе необходимымъ, чѣмъ съ большою широтою взгляда относятся къ положенію Австро-Венгрии, какъ европейской державы. Это, однако, не должно — присовокупилъ графъ Кальноки—означать, само собою разумѣется, чтобы могли произойти перемѣны въ австро-венгерской политикѣ, поощреніемъ которой послужило поднятіе чувства самосознанія балканскихъ народовъ.

— Въ засѣданіи венгерской делегаціи Фалькъ предложилъ витировать довѣріе графу Кальноки. Графъ Андраши обратился къ правительству съ запросомъ: дѣйствительно-ли необходимо для признанія принца Фердинанда Кобургскаго болгарскимъ княземъ единогласное утвержденіе его всѣми державами, подписавшими берлинскій трактатъ. Графъ Андраши полагаетъ, будто для этого достаточно утвержденія избранія принца большинствомъ державъ. Вообще-же, онъ отозвался съ большою похвалою о принцѣ Кобургскомъ. Графъ Кальноки, въ отвѣтъ своемъ, объяснилъ, что политическое положеніе Европы не внушаетъ никакихъ опасеній. Тѣмъ не менѣе, Австро-Венгрія сама по себѣ не можетъ устранить болгарскаго вопроса. Для избранія болгарскаго князя необходима санкція Порты. Султанъ не призналъ принца Кобургскаго законнымъ болгарскимъ княземъ, а потому и Австрія не можетъ признать его таковымъ, хотя и не имѣетъ ничего противъ него лично. Болгарскій вопросъ представляется графу Кальноки далеко не въ розовомъ свѣтѣ. Впрочемъ, Австрія и союзныя съ ней державы стараются отстоять независимость Болгаріи. По этому вопросу между среднеевропейскими державами существуетъ полное соглашеніе. Въ виду дружественнаго отношенія къ нимъ Россіи, общее положеніе вопроса существенно улучшилось.

Константинопольскій агентъ здѣшняго правительства, Вулковичъ, телеграфируетъ, будто князь Бисмаркъ сталъ теперь относиться благопріятнѣе къ нынѣшнему порядку вещей въ Болгаріи.

— Принцъ Фердинандъ Кобургскій сильно нуждается въ деньгахъ будто бы для продолженія постройки желѣзной дороги, на которую уже израсходовано два милліона франковъ. Кромѣ того, всѣ

государственныя кассы опустѣли и не на что содержать войска, платить жалованье офицерамъ. Распустить резервныя войска признается неудобнымъ въ виду броженія въ сельскомъ населеніи, которое вообще относится очень недружелюбно къ католическому принцу. Среди чиновниковъ принцъ Фердинандъ тоже не можетъ рассчитывать на многочисленныхъ сторонниковъ. Кто-то изъ болгарскихъ министровъ съ полною откровенностью отвѣчалъ надняхъ представителю одной великой державы на его разспросы о положеніи дѣлъ въ Болгаріи. „Сомнительно, чтобы принцъ Кобургскій могъ удержаться; впрочемъ, что бы ни случилось, Болгаріи во всякомъ случаѣ останется желѣзная дорога, постройкою которой такъ интересуется принцъ Фердинандъ“. Между прочимъ, принцъ надѣется пріобрѣсти большую популярность, если ему удастся провозгласить Болгарію независимымъ королевствомъ.

— Народное собраніе постановило ввести въ Болгаріи размѣнную монету изъ никкеля на сумму номинально въ три милліона франковъ.

— Пиротъ, 24-го октября. Митрополитъ Климентъ получаетъ много писемъ со всѣхъ концовъ Болгаріи отъ духовенства; всѣ просятъ его не покидать метрополи, а если правительству лишитъ его жалованья, то средства на содержаніе будутъ собраны ему посредствомъ добровольныхъ пожертвованій. Въ виду высказаннаго болгарскимъ экзархомъ Іосифомъ желанія отрѣшить митрополита Климента отъ должности своего намѣстника въ Болгаріи, Странскій намѣревается, съ согласія Стамбулова и прочихъ министровъ, внести въ народное собраніе законопроектъ объ организаціи въ Болгаріи самостоятельной церкви, независимой отъ экзарха.

Сербское правительство постановило отправить нѣсколькихъ молодыхъ офицеровъ въ Россію, для довершенія военнаго ихъ образованія. Главною задачей нынѣшней скупщины будетъ военная реформа.

Король Миланъ заявилъ, что предпочитаетъ снудъ самостоятельному патриаршему престолу. Заявленіе это считаютъ косвеннымъ намекомъ на нежелательность возвращенія митрополита Михаила.

— Константинополь, 25-го октября. Министръ юстиціи призвалъ къ себѣ армянскаго патриарха, который отказывается прійхать въ Порту и настаиваетъ на своемъ рѣшеніи выйти въ отставку. Патриархъ мотивировалъ свое рѣшеніе перечисленіемъ предъявленныхъ имъ требованій, оставленныхъ Портою безъ послѣдствій, слѣдовательно взятіе имъ обратно просьбы объ отставкѣ представляется возможнымъ лишь въ томъ случаѣ, если требованія его будутъ удовлетворены.

— По вопросу о конверсіи французскаго государственнаго долга въ пользу правительственнаго предложенія высказались 251 республиканецъ и 60 монархистовъ.

— Бирмингамъ, 24-го октября. Во вчерашней рѣчи предъ консервативами Балфуръ доказывалъ, что Гладстонъ самымъ усерднымъ образомъ старается затруднить задачу возстановленія въ Ирландіи спокойствія и порядка. Если Гладстонъ говоритъ о преступленіяхъ въ Ирландіи, то, по мнѣнію оратора, дѣлаетъ онъ это только для того, чтобы связать съ ними фантастическія оправданія. Если онъ упоминаетъ о полиціи, то для того только, чтобы осыпать ее оскорбленіями. Онъ извиняетъ преступленія, поощряетъ къ незаконности, искуснымъ краснорѣчіемъ прикрываетъ политику парнеллистовъ. „Правительство однако побѣдитъ, если рѣшительно будетъ преслѣдовать цѣль возстановленія законнаго порядка“, — закончилъ ораторъ.

— Вчерашнее засѣданіе военной комиссіи венгерской делегаціи было очень бурное. Мадыары требуютъ, чтобы въ военныхъ училищахъ, находящихся въ Венгріи, преподаваніе велось на мадыарскомъ языкѣ. Военный министръ Виландтъ-Рейтъ отказался исполнить это желаніе мадыаръ. Изъ-за этого происходили оживленные споры и пререканія. Официозная печать поясняетъ, что изученіе большинствомъ воспитанниковъ военныхъ школъ того или другаго славянскаго языка вполне естественно, такъ какъ славянскихъ полковъ въ Венгріи гораздо больше, чѣмъ мадыарскихъ.

— Вышедшая на чешскомъ языкѣ брошюра, направленная противъ союза съ Германіей, конфискована, причѣмъ полиціей захвачено около 4,000 экземпляровъ. У издателя брошюры произведенъ домо-вый обыскъ.

— Турція относится неблагоприятно къ англо-французской конвенціи относительно Суэцкаго канала. Порта предложила хедиву послать въ Суданъ регулярныя турецкія войска.

— По извѣстіямъ изъ Чикаго, тюрьма, гдѣ содержатся приговоренные къ смертной казни анархисты, охраняется внутри двумя ротами полицейскихъ, вооруженныхъ револьверами и ружьями, а снаружки другими ротами. Приготовленъ и еще отрядъ. Фильдентъ, Швабъ и Шписъ обратились къ губернатору съ прошеніемъ измѣнить приговоръ. Изъ всѣхъ частей страны губернаторъ получаетъ петиціи о помилованіи.

— Генералъ Нуръ-Магометъ, бѣжавшій съ Эюбъ-ханомъ и захваченный близъ Герата, публично казненъ.

— Здѣшнему верховному судѣ присланъ по почтѣ пакетъ, въ которомъ оказалась адекая машина, долженствовавшая произвести взрывъ при неосторожномъ вскрытіи пакета.

— Въ опубликованной конвенціи о взаимной выдачѣ преступниковъ, заключенной между Россіей и Португаліей, между прочимъ говорится, что обвиняемые или осужденные за преступленія, влекущія смертную казнь, будутъ выдаваться лишь подъ условіемъ непримѣненія къ нимъ смертной казни.

— По свѣдѣніямъ бюро „Veritas“ въ прошломъ сентябрѣ погибло судовъ: 18 американскихъ, 3 австрійскихъ, 36 британскихъ, 10 китайскихъ, 4 датскихъ, 5 голландскихъ, 4 французскихъ, 4 нѣмецкихъ, 1 греческое, 7 итальянскихъ, 12 норвежскихъ, 3 португальскихъ, 1 испанское, 3 шведскихъ, всего 110, изъ нихъ шесть пароходовъ,

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— Въ понедѣльникъ, 19-го октября, въ началѣ втораго часа пополудни, подъ августѣйшимъ предѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества великаго князя Михаила Николаевича, состоялось первое, послѣ каникулъ, засѣданіе общаго собранія государственнаго совѣта, которое, однако, не было продолжительнымъ. Въ настоящее время, по случаю болѣзни государственнаго секретаря, А. А. Половцева, должность его временно исправляетъ И. И. Вильсонъ.

— Императорское русское общество садоводства намѣрено обратиться къ министерству финансовъ съ ходатайствомъ, въ виду покровительства отечественнымъ садоводамъ, о повышеніи таможенной пошлины на привозные срѣзанные цвѣты, преимущественно розы, до 20 рублей металлическихъ съ фунта.

— Газеты сообщаютъ, что таможенную пошлину съ привозимыхъ изъ-за границы столярныхъ и токарныхъ издѣлій проектируется увеличить до 70 к. съ пуда.

— Газеты сообщаютъ, что министерство государственныхъ имуществъ проектировало установить одинаковыя тарифныя нормы для южныхъ и персскихъ солей. Въ доказательство указано, что подобный тарифъ на соль будетъ имѣть серьезное вліяніе на государственное хозяйство. Проектъ принятъ во вниманіе и первымъ дѣломъ предположеннаго тарифнаго отдѣла при министерствѣ финансовъ будетъ урегулированіе тарифовъ на соль.

— Министерство финансовъ рѣшило, какъ намъ сообщаютъ, съ наступленіемъ будущаго года значительно увеличить существующую таможенную пошлину на пробочное дерево. Комиссія, разсатривающая общій таможенный тарифъ, нашла, что хотя, при установленіи нынѣ существующей пошлины на пробочное дерево, имѣлись въ виду не покровительственныя, а чисто фискальныя цѣли, тѣмъ не менѣе размѣръ ея слишкомъ ничтоженъ даже по сравненію съ размѣромъ фискальныхъ пошлинъ на азіятскіе товары, привозимые къ тамошнямъ Закавказскаго края и обложенные пошлиною въ размѣрѣ 5 проц. съ цѣны. До этого, приблизительно, размѣра рѣшено довести и пошлину на пробочное дерево, что составитъ 25 к. золотомъ съ пуда.

— Всѣ русскіе сахарныя заводы, какъ слышно, въ скоромъ времени будутъ подчинены обязательству вносить акцизъ въ мѣстное казначейство за весь выпущенный съ завода сахаръ не позже конца августа. Исключенія изъ этого правила не будутъ допускаться и для такихъ заводовъ, на которыхъ акцизъ обезпеченъ залогами или остающимся на лицо сахаромъ. Тѣ изъ заводовъ, которые къ 31 августа не внесутъ въ казначейство акциза, будутъ платить

штрафъ въ размѣрѣ 2 проц. въ мѣсяць, до уплаты долга, съ предѣльнымъ срокомъ 1 го января.

— „Новости“ сообщаютъ, что министерство финансовъ внесло въ государственный совѣтъ представленіе объ увеличеніи дополнительнаго сбора съ торговыхъ и промышленныхъ предриятій на слѣдующее трехлѣтіе до 4.200,000 рублей.

— По слухамъ, министерство финансовъ, въ интересахъ развитія потребленія русскихъ виноградныхъ винъ, намѣрено разрѣшить винодѣламъ безлатентную продажу вина оптомъ и мелко, какъ изъ садовъ и жилищъ, такъ и на ярмаркахъ, рынкахъ, торговыхъ пристаняхъ и вообще въ населенныхъ мѣстахъ и предполагаетъ освободить отъ дополнительнаго акциза виноградную водку, именуемую коньякомъ. Имѣется также понизить вынѣшнюю норму казеннаго налога со страховыхъ полиціевъ.

Законопроектъ о введеніи новыхъ крестьянскихъ учреждений въ Прибалтійскомъ краѣ поступилъ въ государственный совѣтъ и будетъ рассмотрѣнъ въ первую очередь.

— Какъ слышно, рѣшено съ 1-го января возвысить таможенную пошлину на джутовый бархатъ, джутовые на хлопчато-бумажной основѣ ковры, мебельные льняные и пеньковыя ткани, до 60 коп. золотомъ съ фунта, вмѣсто существующей пошлины въ 20 коп. съ фунта.

— Опубликованъ циркуляръ попечителя одесскаго учебнаго округа слѣдующаго содержания: нѣкоторые преподаватели дозволяли себѣ гласное изъявленіе мнѣній безъ той осторожности, которая вызывается положеніемъ ихъ въ качествѣ воспитателей, признавали возможнымъ не стѣсняться служебнымъ положеніемъ, когда обстоятельство, по поводу которыхъ высказывались они гласно, не имѣли непосредственной связи съ отношеніями должностными, и, идя далѣе, становились признанными выразителями мнѣній извѣстныхъ общественныхъ кружковъ, втягивались въ борьбу партій, отдавались увлеченіямъ, переносили полемику, начатую въ стѣнахъ общественныхъ собраній, на страницы газетъ. Указывая на совершенное несоотвѣтствіе подобныхъ случаевъ съ пользами службы, циркуляръ предписываетъ внушить преподавателямъ, чтобы они наблюдали должную осмотрительность въ гласномъ изъявленіи мнѣній, отнюдь не считали дозволительнымъ агитированіе въ интересахъ общественныхъ и литературныхъ партій. Затѣмъ высказывается искреннее пожеланіе, чтобы преподаватели посвящали избытокъ досуга, если таковой у нихъ окажется, на разработку педагогики и дидактики, а не публицистикѣ.

На запросъ г. попечителя одесскаго учебнаго округа о порядкѣ допущенія евреевъ въ новороссійскій университетъ въ качествѣ постороннихъ слушателей, департаментъ министерства народнаго просвѣщенія сообщилъ, что распоряженіе отъ 1-го іюля объ ограниченіи пріема въ новороссійскій университетъ студентовъ изъ евреевъ 10-ю процентами общаго числа распространяется и на постороннихъ слушателей-евреевъ. На дальнѣйшій затѣмъ запросъ, распространяется ли распоряженіе министерства объ ограниченіи пріема евреевъ въ среднія учебныя заведенія 10 процентовъ общаго числа учениковъ и на евреевъ-караимовъ, г. министромъ, какъ сообщаетъ „Новороссійскій Телеграфъ“ было изъяснено, что караимы, находясь подъ покровительствомъ общихъ законовъ имперіи, пользуются всѣми правами, предоставленными русскимъ подданнымъ и поэтому ограниченія, установленныя для евреевъ, на нихъ не распространяются, и дѣти ихъ могутъ поступать въ учебныя заведенія на одинаковыхъ правахъ съ тѣми, пріемъ которыхъ не ограниченъ.

— Въ той же газетѣ помѣщено разъясненіе попечителя одесскаго учебнаго округа о порядкѣ выдачи свидѣтельствъ на званіе домашнихъ учительницъ дѣвкамъ еврейкамъ, окончившимъ гимназическій курсъ, послѣдовавшее по поводу допускаящихся въ этомъ отношеніи неправильностей, имѣющихъ послѣдствіемъ нарушеніе на практикѣ существующаго закона. При представленіи въ управленіе учебнаго округа ходатайствъ о выдачѣ упомянутыхъ свидѣтельствъ предсѣдатели педагогическихъ совѣтовъ женскихъ гимназій прилагаютъ подписку ищущихъ званія учительницы евреекъ о томъ, что „если случится обучать дѣтей православнаго вѣроисповѣданія, то онѣ обязываются не внушать имъ правилъ, противныхъ ученію Православной восточной церкви“. Эти подписки идутъ въ разрѣзъ съ оговоркой въ самихъ свидѣтельствахъ о томъ, что домашнимъ учительницамъ-еврейкамъ разрѣшается преподавать, „но только сво-

имъ единовѣрцамъ". Между тѣмъ, дѣвѣ еврейки, основываясь на взятыхъ отъ нихъ подпискахъ, обучаютъ и дѣтей православныхъ и другихъ христіанскихъ исповѣданій и такимъ образомъ пользуются правомъ, не принадлежащимъ имъ по закону. По разъясненію попечителя одесскаго учебнаго округа, требованіе подобныхъ подписокъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 1839 года, относится къ лицамъ всѣхъ иностранныхъ исповѣданій, кромѣ евреевъ.

— Попечитель дерптскаго учебнаго округа предписалъ прозектору дерптскаго ветеринарнаго института въ текущемъ учебномъ году читать лекціи зоологіи и сравнительной анатоміи на русскомъ языкѣ.

— По поводу того, что кievскій нотариусъ Яковенко утверждалъ договоръ евреевъ съ землевладѣльцами на будущій урожай въ чертѣ ихъ оѣдлости, сенатъ утвердилъ приговоръ палаты объ отрѣшеніи Яковенко отъ должности и призналъ, что нотариусы, обязанные вникать въ сущность договоровъ, не должны допускать сдѣлокъ въ обходъ закона.

— Министерство внутреннихъ дѣлъ въ послѣднее время запужено поступающими прошеніями отъ иностранныхъ и по преимуществу германскихъ и австрійскихъ подданныхъ о принятіи ихъ въ русское подданство. Число такихъ подаваемыхъ прошеній достигаетъ, говорятъ, до 20,000 въ годъ.

— Мы слышали, что вопросъ, возбужденный министерствомъ народнаго просвѣщенія о настоятельности собрать статистическія данныя объ образовательномъ цензѣ всѣхъ должностныхъ лицъ въ государствахъ, ранѣе своего практическаго осуществленія, будетъ повергнутъ на усмотрѣніе высшихъ правительственныхъ сферъ.

— По слухамъ, возбужденъ вопросъ о введеніи въ программу классическихъ гимназій обязательныхъ краткихъ курсовъ естественной исторіи.

— Германская академія естественныхъ наукъ избрала своимъ дѣйствительнымъ членомъ профессора географіи и антропологіи въ с.-петербургскомъ университетѣ Э. Ю. Петри.

— Въ первомъ осеннемъ засѣданіи 16 октября, Нижегородская дума постановила ходатайствовать передъ правительствомъ „о расширеніи возможности и для лицъ небогатыхъ безъ различія сословія поступать въ среднія учебныя заведенія Нижняго-Новгорода". вмѣстѣ съ этимъ, въ томъ же самомъ заявленіи гласные настаивали вообще на необходимости увеличить учебныя средства города, путемъ ли расширенія 13-ти существующихъ на средства города школъ, или же открытіемъ новыхъ училищъ. Дума постановила избрать комиссію, которой и предоставить установленіе системы школьной реформы, а также и изысканіе средствъ для увеличенія школьнаго бюджета. Во время обсужденія возбужденныхъ вопросовъ, выяснилось, между прочимъ, что число лицъ, желающихъ поступить въ среднія учебныя заведенія въ Нижнемъ-Новгородѣ, ежегодно достигаетъ до 300, тогда какъ при наличныхъ условіяхъ существующія двѣ гимназіи и реальное училище принимаютъ не болѣе 100.

— Постройка образцовой шелководни въ саду „Муштаидъ“ управленіемъ государственныхъ имуществъ сдана съ подряда и должна быть, по контракту, окончена къ 10-му апрѣля 1888 года. Весь расходъ по постройкѣ, какъ мы слышали, не превыситъ 7,000 р.

— Медицинскимъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ признано необходимымъ, по словамъ „Моск. Вѣд.", подвергнуть пересмотру нынѣ дѣйствующій врачебный уставъ, измѣнивъ и дополнивъ его согласно послѣднимъ требованіямъ науки и современнымъ условіямъ общественной жизни. Выработанный проектъ будетъ разосланъ на разсмотрѣніе разнымъ врачебнымъ вѣдомствамъ.

— Газетѣ „Helsingfors Dagblad“ телеграфируютъ изъ Вазы, что баптисткіе проповѣдники Лильестрандъ и Янсонъ объявили о составленіи ими петиціи въ сеймъ, который имѣетъ открыться въ концѣ нынѣшняго декабра мѣсяца въ Гельсингфорсѣ, о дарованіи права финляндскимъ гражданамъ вступать въ гражданскій бракъ въ томъ случаѣ, если они признаютъ противнымъ своимъ убѣжденіямъ заключать бракъ въ церкви. Петиція эта обусловливается тѣмъ, что въ Финляндіи существуетъ много такихъ сектъ, которыя не уклоняются рѣзко отъ протестантства, но, тѣмъ не менѣе, не желаютъ, ради признанія за ихъ послѣдователями тѣхъ или другихъ гражданскихъ правъ, поступаться своими религіозными убѣжденіями и заключать, напримѣръ, церковные браки въ церквахъ ортодоксальнаго протестантства. Насколько извѣстно, идея гг. Лильестранда и Янсона

будетъ весьма сильно поддержана со стороны какъ сектантовъ, такъ и свободно мыслящихъ членовъ господствующей церкви.

— Изъ Рыбинска сообщаютъ въ газету „Новости“: „22-го октября сгорѣлъ стоящій на рѣкѣ Волгѣ, близъ Рыбинска, большой буксирный пароходъ „Адмиралъ Корниловъ“, принадлежащій костромской купчихѣ Богомоловой. Пожаръ произошелъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ; загорѣлась нефть, которою отапливался пароходъ, и быстро охваченный пламенемъ деревянный корпусъ парохода сгорѣлъ до основанія. Несчастій съ людьми не было, пароходъ застрахованъ не былъ, убытокъ же отъ пожара опредѣляется въ 60,000 рублей.

— По почину г. нижегородскаго губернатора, возбужденъ вопросъ объ устройствѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ всероссійской кустарно-промышленной выставки, имѣющей быть открытой въ будущемъ году. Подъ руководствомъ самого губернатора приступлено къ составленію проекта выставки.

— Изъ сел. Лоруть, лорійскаго пр., газетѣ „Норъ-Даръ“ сообщаютъ, что, послѣ убійства разбойника Омара и его товарищей поселянами означеннаго селенія, составила шайка разбойниковъ-татаръ изъ жителей селенія Салахлу, которая задалась цѣлью въ одну ночь напасть на селеніе Лоруть и перебить жителей въ отместку за убійство Омара. Въ числѣ разбойниковъ былъ и оданъ лезгинъ, который, не получивъ своей доли изъ награбленнаго имущества до совершенія задуманнаго нападенія, выдалъ своихъ товарищей властямъ. Предупрежденный дезгиномъ старшина селенія Салахлу окружилъ домъ, гдѣ ночевала шайка, между тѣмъ какъ лезгинъ обезоружилъ своихъ спящихъ товарищей. Такимъ образомъ, вся шайка, кромѣ одного, убитаго во время перестрѣлки, поймана и арестована. („Нов. Об.“).

— Газетѣ „Иверія“ пишутъ изъ селенія Сакара, шоропанскаго уѣзда, что тамъ появилась какая-то болѣзнь (какъ нужно полагать, злокачественный тифъ), уносящая массу жертвъ. Въ рѣдкомъ домѣ, по словамъ корреспондента, не посятъ траура. Крестьяне такъ напуганы этою болѣзью, что тотчасъ же при заболѣваніи уединяютъ больного, оставляя его почти безъ всякой помощи

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Страхованіе приданаго для дѣвушекъ.

Отцамъ, опекунамъ и вообще лицамъ, желающимъ обезпечить будущность дѣвушки, рекомендуется страхованіе приданаго въ Страховомъ Обществѣ „Россія“.

Если, напримѣръ, желаютъ застраховать для двухлѣтней дѣвочки приданое въ 3,000 руб., имѣющее быть выданнымъ по достиженіи ею 18-лѣтняго возраста, то за такое страхованіе вносятъ въ Страховое Общество „Россія“ чрезъ каждые три мѣсяца премію въ 35 руб. 18 коп.

Въ случаѣ преждевременной смерти ребенка уплаченныя преміи возвращаются немедленно.

Общество „Россія“ при этомъ предоставляетъ страхователямъ участіе въ прибыляхъ. Ежегодно отчисляемая часть прибыли, вмѣстѣ съ накопившимися на нее процентами, выдается одновременно съ застрахованнымъ приданымъ и служить къ увеличенію таковаго.

Къ 31 декабря 1886 года въ Обществѣ „Россія“ было застраховано для 5,853 дѣвушекъ приданаго на 14.244,100 руб.

Для мальчиковъ подобнымъ образомъ страхуется капиталъ, выдаваемый имъ по достиженіи совершеннолѣтія, или стипендія на воспитаніе.

Подробности въ брошюрахъ Страховаго Общества „Россія“, выдаваемыхъ и высылаемыхъ, по требованію, бесплатно Правленіемъ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами Общества въ городахъ Имперіи.